

УДК 349.2

Идеологические основы хозяйственной реформы конца 20-х годов XX века

Е. Б. Хохлов

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

В статье рассматривается период, который вошел в советскую историю как период великого перелома, т.е. период проведения коренной экономической реформы, направленной на создание социалистического экономико-правового механизма. Предметом статьи является идеологическая борьба, развернувшаяся в конце 20-х годов прошлого столетия в партийно-государственном аппарате по вопросам строительства социалистической экономики в СССР. Автор показывает, как существенный идеологический кризис, возникший в этот период, привел к возникновению в стране экономических проблем. Идеологическое значение приобретает метод регулирования экономики, что проявилось в оценках новой экономической политики и в содержании экономической политики Советского государства. С этой точки зрения в статье анализируются правая и левая оппозиция и генеральная линия в партии и делается вывод о том, что в конце 20-х годов партия столкнулась не с так называемым правым уклоном, а с крутым виражом генеральной линии партии. Главным же моментом, объединяющим правых и левых, было не стремление возродить в стране капиталистический строй, а попытка решить экономические проблемы экономическими, а не политическими средствами. Статья призвана показать, что экономическая политика, обусловившая великий перелом, отнюдь не рассматривалась тогдашней политической элитой как безошибочная и единственно верная: тогдашний политический правящий слой отнюдь не был монолитно сплоченным в оценке принимаемых решений, формулировались разного рода альтернативные варианты.

Ключевые слова: великий перелом, новая экономическая политика (НЭП), коммунистическая оппозиция в СССР, кулачество, рыночные отношения, смычка города и деревни, диктатура пролетариата, экономическое планирование.

Введение

На конец второго десятилетия прошлого века приходится весьма памятная и во многих отношениях трагическая для российского общества дата — начало проведения тех реформ, которые тогдашний лидер страны, с именем которого эти

реформы связываются, очень точно определил как «великий перелом». Как мы помним, термин «великий перелом» был употреблен для определения локального события, свершившегося в аграрной сфере экономики, однако на самом деле значение этого термина гораздо шире.

«Великий перелом» — это и в самом деле *коренное* изменение и, кроме того, изменение, имеющее системный (всеобщий) характер, когда меры по преобразованию общества, во-первых, связаны друг с другом: одна с необходимостью требует осуществления другой, третьей и т. д., причем эти меры в значительной своей части уже диктуются логикой изменений, и проведение некоторых из них отнюдь не входило в замысел реформаторов; а во-вторых, охватывают все сферы общественного бытия — экономическую, политическую, социальную, ментальную.

В *экономическом* плане был создан мощный, монистически организованный на базе общенародной (государственной) собственности и управляемый государством на основе плана народнохозяйственный комплекс.

В *политическом* плане сформирована монистическая политическая система, коренным образом отличающаяся от тех, которые сложились в других развитых странах.

В *социальном* плане рядом жестких мер преобразована социальная структура общества, разными путями уничтожены целые социальные слои, общество по *стилю жизни* стало по преимуществу урбанистическим.

Наконец, качественно изменилось состояние *общественного сознания*: подавляющее большинство советских людей было избавлено от «частнособственнических инстинктов», практически все стали атеистами и материалистами и т. п.

Основное исследование

Обратимся к исследованию той идеологии, которая управляла действиями тогдашней политической элиты при осуществлении преобразований. Подчеркнем, что здесь рассматривается именно и главным образом идеологическая составляющая деятельности партии и государства, конкретные же действия, составляющие содержание политики публичной власти, мы не анализируем.

Исчерпание новой экономической политики. Во второй половине 20-х годов в советском обществе возникли и начали нарастать очевидные кризисные явления. Конечно, наиболее наглядным свидетельством тому могут служить трудности экономического порядка. В широком плане это проявилось в сложностях с продовольственным обеспечением страны, вследствие чего руководству пришлось прибегнуть к проведению мер чрезвычайного характера. В области труда свидетельством нарастающего кризиса стали сложности с выплатой заработной платы¹.

Однако, как представляется, значительно более важным является то, что в указанный период времени возник существенный *идеологический кризис*, который в какой-то мере явился причиной и указанных выше трудностей экономического порядка. В самом деле, когда в начале 20-х годов принималось решение о переходе

¹ См.: Циркуляр НКТ СССР от 8 июля 1926 г. № 143/516 «О своевременной выплате заработной платы» // Известия НКТ СССР. 1926. № 27–28; Циркуляр НКЮ СССР от 25 октября 1926 г. № 193 «О мероприятиях по борьбе с ростом задолженности по зарплате» // Еженедельник советской юстиции. 1926. № 44.

к новой экономической политике, при этом не были определены ни конечные задачи этой политики, ни, соответственно, возможные сроки решения этих задач, ни динамика в реализации средств их достижения. В то же время достаточно очевидным был незавершенный (промежуточный) и двойственный характер НЭПа.

Понятно, что идеологические и политические пристрастия заставляли тех или иных деятелей акцентировать внимание либо на рыночной, либо на регулятивной стороне новой экономической политики. Как следствие, при определении направления дальнейшего продвижения по пути социально-экономического строительства в партийном руководстве возникли многочисленные идеологические «уклоны» («социал-демократический», «левый» и, наконец, «правый»).

Таким образом, вопрос о методах регулирования экономики приобретал важнейшее идеологическое значение, а это проявлялось в оценках новой экономической политики (которая, как следует из самого ее названия, представляла собой именно систему таких методов). С одной стороны, новая экономическая политика в целом обеспечила вывод страны из кризиса, способствовала созданию некоторого экономического потенциала, дала определенный стимул экономического развития — и тем самым выполнила задачи, которые изначально преследовались. С другой стороны, к концу 20-х годов возможности НЭПа были исчерпаны, и тем самым общество было поставлено перед необходимостью выбора дальнейшего пути.

«Левый уклон» в линии партии. Официальная трактовка позиции «левых», ярким идеологическим лидером которых был прежде всего Л. Д. Троцкий, сводилась в общем к тому, что с самого начала они выступали против новой экономической политики, отрицали необходимость союза рабочего класса и крестьянства, возможность построения социализма в одной стране и, в конечном счете, объективно являлись союзниками мирового капитализма, капитулируя перед ним. Во второй половине 20-х годов троцкистами была сформулирована своя позиция относительно проблемы индустриализации советской экономики, в частности и прежде всего источников финансирования программы индустриализации.

Так, например, одно из авторитетнейших партийных изданий указывало: XII съезд РКП(б), проходивший 17–25 апреля 1923 г., призвал рабочий класс направить свои усилия на подъем промышленности, прежде всего тяжелой, «которая одна только может явиться прочным фундаментом действительно социалистического строительства». Троцкий выступил за жесткую концентрацию промышленности. Это была скрытая форма свертывания тяжелой промышленности, закрытия ряда нерентабельных на первое время предприятий.

В своих тезисах, составленных к XII съезду, Троцкий выдвинул лозунг — установление *«диктатуры промышленности»*. В понимании Троцкого этот лозунг означал развитие промышленности за счет эксплуатации крестьянства.

Поскольку народное хозяйство Советской страны быстро приближалось к довоенному уровню, а капитализм во всем мире стабилизировался, то со всей остротой встал вопрос: можно ли в экономически и технически отсталой Советской России построить социализм, хватит ли внутренних сил и ресурсов на это в условиях враждебного капиталистического окружения? Троцкисты утверждали, что без государственной поддержки победившего западноевропейского пролетариата построить в Советской России социализм нельзя. Они толкали рабочий класс на капитуляцию перед капитализмом. «Новая оппозиция» во главе с Зиновьевым

и Каменевым, образовавшаяся ко времени прохождения XIV съезда РКП(б) в декабре 1925 г., также исходила из того, что без социалистической революции на Западе социализм в СССР построить невозможно. Таким образом, позиции Зиновьева, Каменева и Троцкого сомкнулись. Летом 1926 г. троцкисты и зиновьевцы объединились в антипартийный блок, в основе которого лежала троцкистская платформа.

Основным пунктом разногласий между партийным большинством и оппозицией являлся вопрос о возможности победы социализма в СССР. Антипартийный блок упорно отрицал возможность победы социализма в одной стране. Особенно опасны были предложения троцкистов увеличить сельскохозяйственный налог на крестьян, повысить отпускные цены на промышленные товары, что означало срыв ленинского союза рабочего класса с трудовым крестьянством, ослабление диктатуры пролетариата в СССР. Капитулянтская позиция блока на деле вела к реставрации капитализма в Советской стране (История КПСС, 1959, с. 354–384)².

Как известно, коммунистическая оппозиция в СССР в конечном счете проиграла: к концу 1927 г. ее лидеры были исключены из партии и лишились какого бы то ни было политического влияния.

Итак, основными пунктами обвинений в адрес «левой оппозиции» со стороны сталинского большинства партии являлись: 1) отрицание необходимости перехода к новой экономической политике и, здесь же, требования «концентрации промышленности», выдвинутого Л. Д. Троцким в самом начале НЭПа; 2) констатация невозможности построения социализма в одной стране; 3) предложение об осуществлении индустриализации советской экономики за счет крестьянства. Отметим, что отнюдь не все эти обвинения являются совершенно беспочвенными, вопрос скорее заключается в интерпретации той или иной позиции.

Так, например, «левые» отнюдь не выступали против проведения новой экономической политики, особенность их позиции, и прежде всего позиции Троцкого, заключалась в *трактовке* самой этой политики (надо признать, нередко гораздо более реалистичной, чем у партийного большинства). В частности, еще в 1921 г. Л. Д. Троцкий констатировал, что «осуществление директив в области непосредственной хозяйственной деятельности советских органов, проведение соответствующих декретов и усвоение широкой массой партийных и советских работников новых начал экономической политики совершается слишком медленно и не идет тем темпом, которого требует ужасающее положение народного хозяйства. Одной из главных причин медленного проведения новой политики, а также той практической путаницы и идейной смуты, которые ею вызываются, является крайне несистематический характер разработки намеченных начал. В области хозяйства политика крупных поворотов, тем более внутренне несогласованных, совершенно недопустима. Отсутствие действительного хозяйственного центра, который следит за хозяйственной деятельностью, варьирует ее опыты, учитывает и обобщает результаты, практически объединяет все стороны хозяйственной деятельности и таким образом на деле вырабатывает внутренне согласованный хозяйственный

² Оговоримся: здесь и далее мы цитируем издание 1959 г., однако это, как и последующие издания (в частности, 1963 или 1976 г.) по своему содержанию фактически идентичны, и все они так или иначе восходят к оценкам, сформулированным в знаменитом «Кратком курсе истории ВКП(б)».

план, отсутствие такого действительно хозяйственного центра приводит не только к тягчайшим для хозяйства потрясениям, как топливный и продовольственный кризисы, но и исключает возможность *планомерной внутренне согласованной разработки новых начал хозяйственной политики...*» (Троцкий, 1990а, с. 15–16).

Как видим, здесь нет и намек на оппозицию по отношению к новой экономической политике: Л. Д. Троцкий говорит лишь о том, что *переход* к этой политике не может быть спонтанным, он должен быть управляемым, с тем чтобы смягчить неизбежные при таком принципиальном повороте издержки. Короче говоря, необходимо создать соответствующий административный механизм, который бы обеспечивал согласованное проведение соответствующих мер. Как уже было сказано, такой механизм был создан, и при всех своих недостатках он обеспечил достаточно быстрый и относительно безболезненный переход к новым экономическим началам, во всяком случае это был механизм гораздо более эффективный, чем тот, который будет создан для решения аналогичных задач в конце столетия.

Ничуть не отрицается «левыми» и значение восстановления, укрепления и развития крупной национализированной промышленности. В уже цитированном документе Л. Д. Троцкий констатирует: эта первостепенной важности задача достижима только при «установлении действительного единства управления», ибо «постоянные столкновения хозяйственных, профессиональных и партийных органов, особенно по вопросам личных назначений и перемещений, способны были погубить самую здоровую промышленность» (Троцкий, 1990а, с. 16). Более того, он утверждает, что именно через государственную промышленность пролегает путь к социалистическому общественному строю.

В этом контексте следует рассматривать и предложение Л. Д. Троцкого о «концентрации» промышленности. Как он пишет, «жалоба на *недостаток оборотных средств* свидетельствует лишь о том, что государство взяло на себя при переходе к НЭПу ведение большего количества промышленных предприятий, чем ему это под силу при общем хозяйственном состоянии страны, как оно сложилось в результате нескольких лет Гражданской войны и блокады. Следствием этого являются неустойчивость предприятий, работа с перебоями и, главное, недостаточная нагрузка, что ведет, в свою очередь, к чрезвычайному повышению себестоимости продукции и к сужению рынка со всеми вытекающими отсюда хозяйственными затруднениями». Выход из этого положения Троцкий как раз и видит в «радикальной *концентрации производства* на технически наилучше оборудованных и географически наилучше расположенных предприятиях». При этом, на взгляд автора, выдвигаемые против этого «разного рода побочные и второстепенные соображения, как бы существенны они ни были сами по себе, должны отступить на задний план перед основной хозяйственной задачей: обеспечением государственной промышленности необходимыми оборотными средствами, понижением себестоимости, расширением рынка, извлечением прибыли» (Троцкий, 1990b, с. 41)³.

И здесь нетрудно заметить, что требование «концентрации промышленности» на самом деле продиктовано вполне «рыночными» соображениями, тем более примечательными, что они формулируются человеком, имеющим заслуженную репу-

³ Интересно сопоставить эти положения Л. Д. Троцкого с теми, которые выдвигались чуть позднее его идеологическими противниками «справа», прежде всего В. А. Базаровым: разницу обнаружить едва ли возможно (Базаров, 2014, с. 351–353).

тацию проповедника и практика чисто административных способов воздействия на социальные, прежде всего экономические, процессы. Говоря о «концентрации промышленности», Л. Д. Троцкий имеет в виду *перераспределение* промышленных предприятий, сосредоточение в руках государства тех из них, которые могут обеспечить эффективное производство; соответственно, это отнюдь не означает, что все остальные предприятия должны быть ликвидированными — скорее всего, они подлежат не закрытию, а приватизации. Так что это предложение находилось вполне в русле тех мер, которые были предусмотрены и проводились при переходе к новой экономической политике.

Чрезвычайно важное значение как в теоретическом, так и в практическом плане имеет борьба мнений вокруг тезиса о возможности построения социализма в одной отдельно взятой стране. Официальная точка зрения по этому поводу сводится, как мы видели, к тому, что «левые» начисто отрицали такую возможность. Однако в реальной действительности дело обстояло гораздо менее однозначно.

В январе 1926 г. Л. Д. Троцкий писал, что было бы неправильным думать, что путь хозяйственной самостоятельности на высокой индустриальной основе лежит через политическую экономику замкнутого в себе государственно-хозяйственного целого. Наоборот, только пользуясь ресурсами мирового хозяйства, можно сравняться с ним и превзойти его. Международное разделение труда вытекает как из естественных, так и из исторических причин. То обстоятельство, что наша страна перешла к социалистической организации хозяйства, в то время как остальное человечество живет в капиталистических условиях, отнюдь не отменяет международного разделения труда и вытекающих из него связей и зависимостей. Одной из причин нашего хозяйственного упадка в первые годы революции была блокада. Выход из блокады означает восстановление хозяйственных связей, вырастающих из мирового разделения труда, т. е. прежде всего из разницы экономических уровней разных стран. Вступая в интенсивный товарооборот с капиталистическими странами, мы тем самым ставим наше хозяйство под критерий производительности труда и себестоимости мирового рынка. Монополия внешней торговли является могущественным орудием, непосредственно ограждающим нас от экономического натиска богатых капиталистических стран и обеспечивающим за нами достаточно длительный срок, чтобы поднять свою технику и хозяйство. Однако было бы неправильным думать, что монополия внешней торговли является абсолютной гарантией: степень ее эффективности зависит от того темпа, с каким производительность труда в нашем хозяйстве приближается к производительности труда в хозяйстве мира. Монополия внешней торговли может в течение длительного времени ограждать от иностранной конкуренции дорогую продукцию внутренней промышленности, но монополия не может поднять хлебных цен мирового рынка (Троцкий, 1990d, с. 170–171). (В рассматриваемый период времени хлеб являлся одной из важнейших статей советского экспорта.)

Таким образом, будучи элементом в системе международного разделения труда, советское хозяйство с неизбежностью будет вынуждено играть по тем правилам, по которым функционирует эта система. Спрашивается, способно ли оно в одиночку одержать победу в этой игре, учитывая то, что в «Советском Союзе мы имеем социалистическое государство, опирающееся на более низкие производительные силы, чем в капиталистических государствах»? (Троцкий, 1990d, с. 170).

Более того, как констатирует Л. Д. Кернер, с индустриализацией страны ее международные экономические связи будут расти, а это, в свою очередь, будет являться фактором, не позволяющим построить социализм в одной отдельно взятой стране. В наиболее общей формулировке можно сказать, что мировой рынок не даст возможности ввести полную плановость в руководство хозяйством этой страны. Раз окружение капиталистических стран и мировой рынок будут мешать проведению полной плановости в одной стране, то, следовательно, в ней нельзя построить полного социалистического общества, ибо общественные отношения (мировой рынок) будут до известной степени господствовать над хозяйством одной страны, строящей социализм (Кернер, 1990, с. 133).

Означает ли это одновременно констатацию либо фатализма, либо авантюризма тех людей, которые ставят задачу построения социализма в одной стране, пре-красно отдавая себе отчет в том, что эту задачу решить невозможно?

На этот вопрос дается как минимум два ответа.

Во-первых, по мнению Л. Д. Кернера, строительству социализма в России «можно найти три величайших исторических оправдания»:

1. Продолжительное существование диктатуры пролетариата в СССР и успешное строительство социализма являются лучшей агитацией за международную революцию.
2. *Строительство элементов социализма* в России даст возможность более быстро и безболезненно *построить* социализм после пролетарской революции в передовых капиталистических странах.
3. Диктатура пролетариата и строительство социализма в стране являются неслыханным и невиданным до сих пор улучшением положения трудящихся масс (Кернер, 1990, с. 138).

Во-вторых, со своей стороны Л. Д. Троцкий, связывая перспективы социалистического строительства в России с перспективами капитализма и международной пролетарской революции, исходит из неизбежности благоприятного (для социализма) развития событий.

Чисто теоретически рассуждая, говорит он, можно относительно судьбы капиталистической Европы в течение ближайших десятилетий, — а ведь сталинская теория исходит из того, что капиталистическая Европа будет существовать десятилетия, — допустить три возможных варианта:

- а) новый подъем Европы на капиталистических основах;
- б) экономический упадок Европы;
- в) сохранение нынешнего состояния с теми или другими колебаниями.

Сам Троцкий отвергает все три варианта, исходя из того, что международная (европейская) пролетарская революция обязательно произойдет, причем не через несколько десятилетий, а в самом ближайшем будущем. Он полагает, что не критический оптимизм насчет «социализма в отдельной стране» вытекает из грубого пессимизма насчет европейской революции. По его словам, «сочетать неверие в мировую революцию со схемой самодовлеющего социалистического развития в технически и культурно отсталой стране значит, несомненно, впасть во все пороки национальной ограниченности, дополненной провинциальным самомнени-

ем» (Троцкий, 1990с, с.143–145). В другом месте Троцкий говорит: «Для построения социализма одними лишь собственными силами в нашей отсталой стране нужны десятки лет. Предполагать, что в течение такого долгого периода в других странах будет держаться и развиваться капитализм, а мы тем временем построим социализм, значило бы отрицать связи мирового хозяйства и мировой политики и впадать в грубую национальную ограниченность. Построение социализма в нашей стране есть составная часть мировой революции пролетариата. Успех социалистического строительства в нашей стране неотделим от успеха революционного движения во всем мире. Оппозиция глубоко убеждена в победе социализма в нашей стране не потому, что нашу страну можно изъять из мирового хозяйства и мировой революции, а потому, что победа пролетарской революции обеспечена во всем мире. Сдвиг с пролетарской линии неизбежно ведет к национальной ограниченности, к недооценке нашей зависимости от мирового хозяйства и к грубому приукрашиванию НЭПа» (Троцкий, 1990е, с. 67).

Итак, построение социализма в одной отдельно взятой стране невозможно, но социализм строить надо — и в этом, по мнению идеологов «левых», нет никакого противоречия. Но если учесть, что такое строительство предполагает прежде всего создание современной индустрии, главным образом тяжелого машиностроения (в этом вопросе в партии существовало полное единство), то возникал уже совершенно практический вопрос об источниках финансирования индустриализации страны.

Вполне конкретный ответ на этот вопрос дает Е. А. Преображенский (в качестве вывода из сформулированного им «закона первоначального социалистического накопления»): «Чем более экономически отсталой, мелкобуржуазной, крестьянской является та или иная страна, переходящая к социалистической организации производства... — тем больше социалистическое накопление вынуждено опираться на *эксплуатацию досоциалистических форм хозяйства*... Наоборот, чем более экономически и индустриально развитой является та или другая страна, в которой побеждает социальная революция... чем более для пролетариата данной страны является необходимым уменьшить неэквивалентность обмена своих продуктов на продукты *колоний*, т. е. уменьшить *эксплуатацию последних*, — тем более центр тяжести социалистического накопления будет перемещаться на производственную основу социалистических форм, т. е. опираться на прибавочный продукт собственной промышленности и собственного земледелия» (Преображенский, 1924, с. 2–93).

Таким образом, суть предлагаемого решения проблемы вполне очевидна: поскольку у России отсутствовали *внешние* колонии, социалистическое накопление предлагается осуществлять за счет колоний *внутренних*, за счет эксплуатации тех форм хозяйства, которые трактуются в качестве *досоциалистических*. Такими досоциалистическими формами, очевидно, являются все формы частного (капиталистического) предпринимательства, но главным образом — некооперированное крестьянство.

Правильная налоговая политика, говорится в Заявлении ряда высокопоставленных партийных деятелей июльскому (1926 г.) Пленуму ЦК и ЦКК ВКП(б), наряду с правильной политикой цен является в этих условиях важнейшей составной частью социалистического руководства хозяйством. «Несколько сот миллионов рублей накоплений, сосредоточившиеся уже сейчас в руках деревенских верхов,

служат для ростовщического закабаления бедноты. В руках купцов, посредников, спекулянтов скопились уже многие сотни миллионов рублей, давно переваливших в миллиард. Необходимо путем более энергичного налогового нажима привлечь значительную часть этих средств на питание промышленности, на укрепление системы сельскохозяйственного кредита, на поддержку деревенских низов машинами и инвентарем на льготных условиях» (Бакаев и др., 1990, с. 14–15).

К. Радек, разъясняя эту мысль, опровергает обвинение, выдвигаемое против оппозиции, будто бы она «хочет без оглядки перекачивать крестьянские накопления в промышленность»: если страна наша в подавляющем большинстве своем крестьянская и если страна эта хочет развивать свою промышленность, что необходимо не меньше в интересах крестьянства, как и рабочих, то нельзя не вкладывать в промышленность народные, т. е. в первую очередь крестьянские средства. Весь вопрос в том, сколько средств наша страна может вложить в промышленность в каждый данный период, чтобы достигнуть таким путем наиболее правильного, наиболее целесообразного для всей страны распределения накоплений и вообще средств. Промышленно-товарный голод и огромное расхождение оптовых и розничных цен свидетельствуют о том, что платежеспособный спрос на товары промышленные далеко превышает предложение. Ничто не может устранить этого основного факта, свидетельствующего о том, что накопления в стране распределяются непропорционально между промышленностью и непромышленными слоями населения, откуда и возникает товарный голод, питающий частника и тем ослабляющий социалистические элементы нашего хозяйства.

Выигрывает ли крестьянство в целом от таких накоплений, натуральных или денежных, на которые оно не может получить в обмен нужные ему продукты промышленности? — задает далее вопрос К. Радек и дает отрицательный ответ: «При национализированной промышленности и при монополии внешней торговли крестьянство само становится пайщиком государственного хозяйства в целом и поэтому прямо и непосредственно заинтересовано в правильном и целесообразном распределении народнохозяйственных, а следовательно, и крестьянских накоплений. Решающее значение для крестьянина имеет не то, сколько рублей он отложил, а то, что он на эти деньги может купить. Наличие товарного голода и непомерное расхождение цен свидетельствует, что крестьянство в целом выиграло бы, вложивши большую, чем сейчас, долю своих накоплений в государственную промышленность, которая с избытком вернула бы ему эти накопления в виде более дешевых товаров».

Кроме того, заключает К. Радек, говорить о «выкачивании денег из крестьянского кармана» попросту неверно, поскольку такого единого кармана не существует; крестьянство дифференцировано, и основная доля накоплений (составлявшая приблизительно 400 млн рублей) сосредоточена в руках наиболее зажиточной его части. Так же дело обстояло и с хлебными запасами. «Речь идет, стало быть, о том, чтобы перекачать дополнительные средства для промышленности... из накоплений кулацких и полукулацких верхов. Такая перекачка даст более доступный промышленный товар и середняку, и бедняку. Она выгодна для подавляющего большинства деревни» (Радек, 1990, с. 43–44)⁴.

⁴ Цитируемая работа К. Радека, судя по всему, имеющая агитационный характер, была написана в августе 1926 г.

Короче говоря, «неверно, будто мы легкомысленно смотрим на союз пролетариата с крестьянством. Клевета, будто мы предлагаем “грабить крестьянство” в пользу индустриализации. Мы стоим за то, что союз пролетариата и крестьянства надо беречь как зеницу ока. Без этого пролетарская диктатура в СССР обречена на гибель. Но мы говорим: наша опора в деревне — батрак и бедняк, наш союзник в деревне — середняк, наш классовый враг в деревне — кулак». Именно такой принципиальной идеи придерживалась, судя по всему, вся «левая» оппозиция⁵. Трудно сказать, какое *практическое* воплощение получила бы эта идея, не будь эта «антипартийная» группа устранена с политической арены. Во всяком случае, обращает на себя внимание то обстоятельство, что, трактуя кулака в качестве классового врага, представители оппозиции говорят о чисто экономических (фискальных) способах борьбы с ним; о «ликвидации кулачества как класса» речи не идет⁶. Впрочем, нельзя с достоверностью судить о том, куда привела бы логика реализации этой идеи на практике. Опыт сталинской группировки, фактически взявшей ее на вооружение после разгрома «левой» оппозиции (о чем мы будем вести речь далее), продемонстрировал, каким именно может быть этот путь.

«Правая» оппозиция в партии. Борьба против «правой» опасности происходила в течение 1928–1929 гг. Уже цитированное здесь официальное партийное издание формулирует самые общие и довольно неконкретные обвинения против «правых», олицетворяемых фигурами Н. И. Бухарина, А. И. Рыкова и М. П. Томского. Бухарин еще в 1925 г. выступил с лозунгом «Обогащайтесь!», что означало на деле курс на поддержку кулацких хозяйств в деревне. С переходом партии в решительное наступление на кулака лидеры правых — Бухарин, Рыков, Томский — открыто выступили против политики социалистической индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства. Признавая на словах возможность построения социализма в СССР, правые оппортунисты на деле сопротивлялись политике всемерного развития тяжелой индустрии; они возражали против высоких темпов индустриализации, выступали против ликвидации капиталистических элементов в народном хозяйстве, против наступления на кулака. В обстановке ожесточенной борьбы капиталистических элементов против социалистического строительства правые проповедовали «теорию» затухания классовой борьбы в стране и мирного вращивания кулака в социализм. Они не хотели признавать, что столбовой дорогой деревни к социализму, как учил В. И. Ленин, является производственная кооперация в ее высшей колхозной форме (а осуществление ленинского кооперативного плана было невозможно без ликвидации кулачества как класса). Правые считали, что деревню можно перевести на социалистические рельсы лишь путем снабжен-

⁵ Процитированный текст — фрагмент Заявления в Президиум VII расширенного Пленума ИККИ в декабре 1926 г., написанного Г. Зиновьевым и подписанного Л. Каменевым и Л. Троцким (Зиновьев, Каменев, Троцкий, 1990, с. 150, 153).

⁶ Как пример своего отношения к политике, проводимой социалистическим государством в деревне, Л. Д. Троцкий в октябре 1926 г. приводит выдержку из своего доклада, прочитанного 5 апреля 1923 г. в подтверждение того, что его позиция в этом вопросе осталась неизменной: «Вся мудрость нашей партии должна быть направлена к тому, чтобы этот вопрос (сколько взять с крестьянина) не сделался вопросом классовой борьбы, а был вопросом соглашения, компромисса. Да, мы соглашатели в этом вопросе, мы радикальные соглашатели в вопросе о том, чтобы рабочее государство сговорилось с крестьянином» (Троцкий, 1990г, с. 116).

ческо-сбытовой (т. е. потребительской) кооперации⁷. Они предлагали «развязать» рыночную стихию и снять всяческие ограничения в отношении кулацких хозяйств.

В конечном счете «правые на деле отрицали возможность построения социализма в СССР. Они насаждали в партии идеологию капитулянтства перед трудностями, стремились к соглашению с кулацко-капиталистическими элементами города и деревни. Их позиция неизбежно вела к реставрации капитализма» (История КПСС, 1959, с. 402–403).

Переходя к оценкам, прежде всего отметим, что позицию Н. И. Бухарина и его единомышленников (как, впрочем, и позицию сторонников «троцкистско-зиновьевского блока» несколько ранее) ни в малейшей степени нельзя считать антипартийной и антисоциалистической. Все они, начиная с Троцкого и заканчивая Томским, были вполне правоверными ортодоксальными марксистами, убежденными последователями и учениками вождя партии — В. И. Ленина. Более того, ни один из них ничуть не сомневался в правильности взятого партией курса на индустриализацию страны и построение в СССР социалистического общества. В связи с этим, например, Н. И. Бухарин весьма энергично и аргументированно отвергал (как троцкистско-зиновьевский навет, по недоразумению воспринятый сталинским большинством в партии) обвинение его в том, будто он проповедует теорию «мирного вrastания кулака в социализм»⁸. Следует указать также и на то, что дискуссия с участием «правых», проходившая на разного рода партийных мероприятиях, в печати и в научной литературе, была, видимо, последней, имевшей настоящий научный характер, когда выдвигаются идеи, формулируются аргументы и производится объективная критика этих идей и аргументов. После устранения «правой опасности» ни в жизни партии, ни в социальных науках уже ничего подобного не наблюдалось. Кстати говоря, такого рода перспективу видел и Н. И. Бухарин. В своем выступлении на объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 18 апреля 1929 г., зная, что это его последнее выступление в качестве члена Политбюро ЦК, Н. И. Бухарин говорит: «Я полагаю, что мы не особенно далеко уйдем, если наша партия будет давать “четкий лозунг”: “Не раздумывай!” Это очень “подходящая”

⁷ Отметим сразу же, что эти положения являются совершенно верными и свидетельствуют о глубоком знании представителями «правых» существа вопроса. Как известно, так называемые производственные кооперативы повсеместно, и в особенности в Англии, показали свою полную несостоятельность, несмотря на огромные финансовые вливания и организационные усилия, предпринятые для развития этой организационно-правовой формы. А вот потребительская кооперация, причем как в городе, так и в деревне (не исключая и Россию), оказалась весьма и весьма востребованной и экономически эффективной (Хохлов, 2013, с. 893–924).

⁸ В опровержение этого тезиса Н. И. Бухарин приводит два главных аргумента. С одной стороны, он ссылается на Ленина, утверждавшего, что наш теперешний строй основан на сотрудничестве двух классов — пролетариата и крестьянства, к которому (т. е. сотрудничеству) на известных условиях допущена и буржуазия. Но можно ли себе представить, «чтобы буржуазия была допущена, но стояла бы как-то вне народного хозяйства? И, следовательно, всюду и везде вне его организационных форм?» — задает вопрос Н. И. Бухарин.

С другой стороны, он, по его утверждению, никогда не отказывался от лозунга «форсированного наступления на кулака», однако одно дело — провозглашать этот лозунг, а «другое дело — проводить все это в жизнь такими, с позволения сказать, “умными” методами, что все получается наоборот, что беднота сидит без хлеба, что города терпят нужду в хлебе, что середняк шатается. Сейчас, кроме всего прочего, требуется не столько крик и нажим, сколько ум и расчет» (Бухарин, 1989с, с. 271, 273).

вещь в реконструктивный период...» Нельзя «...заменять мыслей и раздумывания *голой политикой физического кулака!*» (Бухарин, 1989с, с. 308).

Переходя к сути, мы можем констатировать, что «правые оппортунисты» имели достаточно обоснованную систему взглядов как общего плана, так и по конкретным вопросам, ничуть не менее аргументированную, чем концепция их идеологических противников — «троцкистов». Главным звеном в этой концепции являлось оценка значения и перспектив новой экономической политики.

На взгляд Н. И. Бухарина, сущность НЭПа заключается в существовании в той или иной мере *рыночных отношений*. Отводя упрек своим оппонентам, будто он — вопреки Марксу — тем самым отрицает значение *производства*, перенося проблему в область *распределительных* отношений, Н. И. Бухарин утверждает: абстрактного производства не существует, существует или товарное производство, или производство другого типа. Абстрактного производства — не натурального и не товарного, а производства «вообще» — не бывает. Рыночные отношения есть другая сторона определенного вида *производства*, товарного производства. Представить себе товарное производство без товаров, без рынка невозможно.

Но насколько необходимо существование товарного производства и, соответственно, рыночных отношений? Ведь с точки зрения «классического» марксизма коммунистическое (и, стало быть, социалистическое) общество есть общество, в котором отсутствуют и рынок, и товарное производство. Н. И. Бухарин, кстати говоря, ничуть не сомневается в истинности такой идеи. Но, отстаивая необходимость рынка, как и объемы рыночной экономики, он предлагает учитывать конкретные условия места и времени. Рыночные отношения есть не что иное, как выражение специфических производственных отношений, характерной чертой которых является *распыленный труд мелких индивидуальных, формально независимых производителей*, утверждает Н. И. Бухарин. В этом сущность проблемы. В классовом разрезе это есть проблема взаимоотношений между пролетариатом и крестьянством, вопрос о методе вовлечения мелких производителей в орбиту социалистического хозяйства, это есть исторически данная проблема, которая будет еще долго существовать и разрешение которой не только в нашей стране, но и в *других странах* займет целый период.

Чем более промышленно развита страна, чем более она индустриализирована, тем меньшую роль будут играть в ней рыночные отношения после взятия власти пролетариатом. Развитие на фоне рыночных отношений будет сопровождаться ростом всего хозяйственного механизма: объем рыночных отношений будет меньше, темп их исчезновения будет более быстрым, более быстрым будет и темп социалистического развития от зародышевой формы к полноценной форме социалистического хозяйства, представляющего единый однородный организм (Бухарин, 1989b, с. 211–213).

В этом своем выводе Н. И. Бухарин опирается на авторитет К. Маркса, по словам которого «...там, где крестьянин существует в массовом масштабе как частный земельный собственник, там, где он даже образует более или менее значительное большинство, как во всех странах западноевропейского континента, там, где он не исчез и не заменен сельскохозяйственными батраками, как в Англии, — там произойдет следующее: либо крестьянин станет препятствовать и приведет к крушению всякую рабочую революцию, как это он делал до сих пор во Франции, либо же

пролетариат (ибо крестьянин-собственник не принадлежит к пролетариату; даже тогда, когда по своему положению он к нему принадлежит, он думает, что не принадлежит к нему) должен в качестве правительства принимать меры, в результате которых непосредственно улучшится положение крестьянина и которые, следовательно, привлекут его на сторону революции; меры, которые в зародыше облегчают переход от частной собственности на землю к собственности коллективной, так чтобы крестьянин сам пришел к этому хозяйственным путем...» (Бухарин, 1989b, с. 244)⁹; «...но нельзя огорошивать крестьянина, провозглашая, например, отмену права наследования или отмену его собственности; последнее возможно только там, где арендатор-капиталист вытеснил крестьянина и настоящий земледелец стал таким же пролетарием, наемным рабочим, как и городской рабочий». Радикальная социальная революция, заключает К. Маркс, «...следовательно, возможна только там, где вместе с капиталистическим производством промышленный пролетариат занимает по меньшей мере значительное место в народной массе. И для того, чтобы он имел хоть какие-нибудь шансы на победу, он должен быть в состоянии *mutatis mutandis* [с соответствующими изменениями] сделать для крестьян непосредственно по меньшей мере столько же, сколько французская буржуазия во время своей революции сделала для тогдашнего французского крестьянина» (Маркс, с. 611–612).

Итак, рыночная экономика есть необходимое следствие и проявление плюрализма форм собственности и хозяйственной деятельности, это объективно данная *реальность*, которая будет меняться постепенно и в течение определенного и достаточно продолжительного периода. Сократить этот период, вероятно, возможно, но только лишь применяя соответствующие *экономические* средства и действуя с крайней осторожностью, но исключить волевым путем — нельзя.

Совершенно неосновательно обвинение в адрес «правых», будто они выступили против пятилетнего плана и прежде всего против индустриализации страны. В частности, Н. И. Бухарин, полностью поддерживая эту идею, утверждает, что «дальнейший темп, такой, какой мы взяли, а может быть, даже больший, — мы можем развивать, но *при определенных условиях*». «Что нам нужно? Металл или хлеб? Вопрос *нелепо* так ставить. А когда я говорю: и металл, и хлеб, тогда мне заявляют: это — “эклектика”, “это — дуализм”, нет, ты скажи обязательно, что нужно: или металл, или хлеб, иначе ты увливаешь, иначе это фокусы... Хорош “фокус”! Попробуйте получать без хлеба металл, попробуйте растить без металла хлеб! *Настянут к примитивным постановкам вопроса, годным для пионеров, а не для руководителей хозяйственной политики*». На самом деле дальнейшее развитие страны возможно только при том условии, «если мы будем иметь налицо подъем сельского хозяйства как базы индустриализации и быстрый хозяйственный оборот между городом и деревней». Отсюда следует, по мысли Н. И. Бухарина, что «форма рыночной связи будет у нас существовать еще долгие и долгие годы. Я бы даже больше сказал, — утверждает Н. И. Бухарин, — форма рыночной связи долгие годы будет *решающей* формой экономической связи. *Решающей!* ...если развитие социализма идет через рыночную связь, через рыночный товарооборот между городом и деревней, значит, основная линия нашей смычки в нашем хозяйстве — рыночная,

⁹ «Это блестяще сказано — “хозяйственным путем”», — комментирует Н. И. Бухарин.

и наша ведущая экономическая роль должна идти через рыночные отношения, т. е. *через развертывание товарооборота*» (Бухарин, 1989с, с. 273–275, 281).

Проблема, стало быть, заключается не в том, что «правые» выступали вообще против пятилетнего плана и индустриализации страны, предметом их беспокойства являлись *методы* проводимой хозяйственной политики, ее планомерная целесообразность и, кроме того, *обоснованность* принимаемых планов.

Как мы видим, Н. И. Бухарин совершенно определенно считает, что на обозримую историческую перспективу социалистическое государство может осуществлять хозяйственное регулирование исключительно *через рынок*, исключительно рыночными способами, что развитие товарного оборота есть главная экономическая задача публичной власти. В связи с этим он с огромным беспокойством говорит о наметившейся тенденции перехода к чисто административным методам государственного управления, указывая на тупиковый характер этих методов и на тот очевидный вред, который они несут при реализации на практике.

Обращаясь к причинам, обусловившим возникшие в конце 20-х годов затруднения с поставками хлеба, Н. И. Бухарин утверждает: «...если бы можно было сформулировать в одном пункте положение вещей в сельском хозяйстве, то это можно было бы сформулировать так: сейчас мелкий товаропроизводитель превратился из *продавца* хлеба в *сдатчика* хлеба. Поэтому нарушена была та *основная форма смычки*, которая еще долгое время должна быть у нас главной формой, *определяющей* формой, а именно форма *рыночных связей*. Так как продавец хлеба все больше превращается в сдатчика, а продажа — в государственную повинность (сдачу), то сам хлеб все больше превращается из *товара* в объект повинности и одновременно в суррогат денег и в средство накопления. Поэтому он стал “исчезать”, ибо он стал “браться на учет”. А в это же самое время “издержки аппарата” и издержки по выкачке хлеба чрезвычайно росли параллельно уничтожению рыночной формы связи. Накладные расходы на каждый пуд собираемого хлеба гигантски возрастали — содержание уполномоченных, разъезды и вся эта история имеет и свою экономическую сторону, имеет свои экономические “накладные расходы”. Распределительный принцип, принцип разверстки — как хотите назовите, — приводил и приводит, несомненно, к тому, что увеличивается опасность *дальнейшего сужения производственной базы*. Роль денег при таких условиях, их роль в обороте между городом и деревней падала и падает. Отсюда — что совершенно естественно, раз этот рычаг стал ослабевать, — следует, в свою очередь, дальнейшее усиление нажима, прямого администрирования, прямого давления. И здесь одно звено цепляется за другое. Именно здесь корень новых форм “чрезвычайщины”: так называемое самообложение, и бойкот, и целый ряд других новых — явных или замаскированных — форм *чрезвычайных мер*» (Бухарин, 1929с, с. 278).

Если развитие должно идти в решающих пунктах через товарооборот, то все формы «чрезвычайного» воздействия, которые этот товарооборот *сокращают*, с хозяйственной точки зрения представляют собой *большой вред*, величайший тормоз развития. «Поэтому, — говорит Н. И. Бухарин, — у нас появились нелегальные хлебные рынки, хлеб иногда продают в лесах, продают из-под полы и пр. Это есть нелепое сокращение нашего товарооборота. Есть ли это положительная или отрицательная величина? Я считаю, что *величайшая отрицательная величина*».

Возникает впечатление, что Н. И. Бухарин испытывает состояние беспомощности и отчаяния, когда видит, что очевидные (для него) вещи совершенно не воспринимаются и отвергаются его соратниками: «Товарищи, я вас спрашиваю, какая у вас будет *перспектива*? Что *дальше* будет? Ну, хорошо: сегодня мы заготовили всеми способами нажима хлеб на один день, а завтра, послезавтра что будет? Что будет дальше? Нельзя же определять политику только на один день! Какой у вас длительный выход из положения? <...> Мне говорят, что начало НЭПа относится к 1921 г., что я тащу назад. Но я тащу, товарищи, вот от этого хозяйственного и политического сумасшествия... Не оттащить от этого — значит проворонить ряд огромных возможностей, ибо никакого пятилетнего плана мы на этом пути *не построим*. При такой практике пятилетка будет превращена в очень хорошую бумажку, очень хороший, добросовестный литературный труд — не больше» (Бухарин, 1929с, с. 281–283).

Во второй половине 20-х годов оживленные дискуссии проводились вокруг первого *пятилетнего плана*. Относительно того, что это должен был быть план технического перевооружения народного хозяйства, план *индустриализации* страны, кажется, не сомневался ни один участник дискуссии. Однако *каким* должен быть сам этот план, какие *показатели развития* должны быть в нем заложены, как *план* должен соотноситься с *рынком*, наконец, *сколько* должно быть самих этих планов — по всем этим вопросам не было единства (Корицкий, 1989, с. 6–7). В экономической науке сложилось два главных направления в решении проблемы планирования — *телеологическое* и *генетическое*. По сути же, речь шла о глобальном вопросе: о характере взаимосвязи между экономикой и государством.

Представители второго направления (которые, если не все, то в своем значительном числе, в скором времени были отнесены к категории «правых» с соответствующими «организационными» последствиями для них) предлагали рассматривать хозяйство (экономiku) как определенную автономную, взаимосвязанную во всех своих элементах *систему*, которая функционирует по определенным, внутренне присущим этой системе законам. Государство, тем более государство социалистическое, может и должно осуществлять регулятивное воздействие на течение экономических процессов, но осуществлять это нужно лишь с учетом объективно действующих экономических законов. Короче говоря, даже выступая в качестве объекта регулятивного воздействия со стороны государства, экономика тем не менее остается своего рода «вещью в себе», и в той мере, в какой она выступает в этом своем качестве, она не может быть объектом государственного управления; иными словами, пытаться регламентировать данную область отношений — это все равно, что пытаться с помощью государственного закона урегулировать, скажем, силу земного притяжения. Соответственно, и государственное планирование должно исходить из этих *генетически* заданных параметров, если, конечно, составители плана желают получить действительно эффективный экономический рост.

Телеологический подход к планированию экономики, как видно уже из самого термина, прямо или подспудно исходил из идеи всемогущества государства: государство (точнее говоря — правящая партия) ставит перед обществом и его экономикой определенный набор задач, определяет в той или иной области хозяйства показатели, которые должны быть достигнуты, и организует общество на выполнение поставленных задач и достижение установленных показателей. Понятно, что

для экономики как автономной саморегулирующейся системы в этом подходе не было места¹⁰.

Порочность телеологического подхода доказывал, в частности, Н. Д. Кондратьев (кстати говоря, опираясь на те данные, которыми оперировали в Госплане СССР). По его заключению, уже сам по себе пятилетний план предполагал дефицит потребления сельского населения, который в 1930–1931 гг. должен был составить более чем 2 млрд рублей. При таких условиях, по мнению Н. Д. Кондратьева, крестьянин предпочтет сохранить достигнутый уровень своего благосостояния, сам потребляя произведенный им продукт и воздерживаясь от его продажи, а это исключает возможность выполнения планируемых объемов экспорта сельскохозяйственной продукции. «Так как нет оснований думать, что сельское население при росте его благосостояния будет отчуждать продукты на сторону при наличии дефицита в потреблении, то очевидно, что при таких условиях мы не только не сможем вывозить сельскохозяйственные товары, не только не могли бы увеличивать сельскохозяйственный экспорт, а должны были бы даже ввозить сельскохозяйственные товары в страну, так как размер дефицита в потреблении сельского населения явно превосходит размеры проектируемого экспорта», — констатирует Н. Д. Кондратьев (Кондратьев, 1989, с. 119).

Н. Д. Кондратьев делает в своих расчетах ошибку, в которой его нельзя обвинить: он и представить себе не мог (как и другие «уклонисты» — и «правые», и «левые»), что рабоче-крестьянское государство, не считаясь ни с какими экономическими законами и расчетами, предпочтет просто-напросто *отнять* у крестьянина то, что было им произведено¹¹.

Другой момент, который составлял предмет беспокойства так называемых «правых», — это *стратегия* проведения индустриализации, соответственно применительно к пятилетнему плану — обеспечение необходимой соразмерности отдельных его частей и последовательности в реализации. Идея, ими защищаемая, в общем сводилась к тому, что в условиях недостатка средств необходимо увеличить внутреннее потребление за счет расширения товарооборота и на этой основе последовательно развивать капиталоемкие, но не дающие быстрой или непосредственной отдачи отрасли промышленности. Иными словами, предлагался тот путь индустриализации, который уже был апробирован капиталистическими странами. Как мы помним, процесс индустриализации здесь прошел, условно говоря, два этапа. На первой стадии растущий спрос на предметы потребления удовлетворялся путем увеличения объемов и удешевления их производства, что достигалось за счет *внедрения машин*; вследствие этого возникал спрос на производство таких машин.

¹⁰ Поразительно! Для этих людей словно не существовало чуть ли не двухвекового развития политической экономии; все они как будто только что вышли из рядов первых полицейстов с их наивной верой во всемогущество всепоглощающего государства.

¹¹ Складывавшаяся ситуация прекрасно иллюстрируется тем положением, которое имело место в свое время в западноевропейском хозяйстве. Как мы помним, в условиях, когда возникла нужда в поставках хлеба на запад континента, в страны с бурно развивающимся процессом индустриализации, крестьянство Западной Германии практически никак не отреагировало на это, предпочитая потреблять произведенный хлеб в рамках своего хозяйства и поставляя излишки на местные рынки. Потребность в хлебе удовлетворялась поставками из восточногерманских земель, из Польши, где прошла волна «второго издания крепостничества», что в конечном счете дорого стоило хозяйству этих стран (Хохлов, 2013, с. 470–484).

На второй стадии возникший спрос на машины удовлетворялся путем создания новых отраслей промышленности, *производящих машины* отраслей, в развитие которых вкладывались накопленные на первой стадии индустриализации капиталы.

Отметим, что эта точка зрения в значительной мере нашла свое выражение на первоначальной стадии создания механизма планирования во второй половине 20-х годов — в директивах по составлению пятилетнего плана народного хозяйства, утвержденных Объединенным пленумом ЦК и ЦКК ВКП(б), состоявшимся в октябре 1927 г., а также рядом последующих партийных решений.

По устранению «правых уклонистов» от руководства все эти соображения, как и их аргументация, были отвергнуты, и это очень дорого стоило стране. Телеологическое направление в советской экономической науке победило полностью и навсегда.

«Генеральная» линия партии. Приступая к характеристике «генеральной» линии партии, олицетворяемой прежде всего И. В. Сталиным, необходимо сделать две существенных оговорки. Во-первых, со второй половины 20-х годов приходится различать *две* истории партии и советского общества: историю *официальную*, описываемую в соответствующих официальных изданиях (типа «Краткого курса истории ВКП(б) или впоследствии «Истории КПСС»), и историю *фактическую*. Эти две истории расходятся, и часто весьма значительно. Во-вторых, так называемая «генеральная» линия партии отнюдь не была прямой, на деле она испытывала очевидный дрейф «справа налево». Некоторым аналогом может послужить Французская революция конца XVIII в., которая также проделала путь от демократического и либерального прекраснотушия первых своих идеологов до крайней тирании якобинцев.

В эволюции взглядов (и действий) сталинской группировки в партии и государстве на протяжении второй половины 20-х годов можно акцентировать следующие главные моменты: 1) эволюция в оценке новой экономической политики; 2) соответственно, изменение отношения к возможности и необходимости применения чрезвычайных (внеэкономических, административных) мер в политической и хозяйственной областях; 3) определение перспектив развития социально-политических отношений по мере развертывания социалистического строительства (формулирование тезиса об усилении классово-борьбы); 4) эволюция взглядов на проблему финансирования индустриализации. Понятно, что выделение указанных направлений носит весьма условный характер, ибо все они взаимосвязаны, обуславливают и «перекрывают» друг друга.

К середине 20-х годов группа И. В. Сталина (в которую входили и будущие «правые капитулянты», в частности Н. И. Бухарин) находилась на позициях, условно говоря, «рыночного социализма», предполагавшего определенную свободу товарооборота при регулирующем воздействии на рынок государства. Такая позиция, получившая официальное одобрение XII съезда Коммунистической партии (1923), подвергалась, как уже отмечалось, ожесточенной критике со стороны «левых», возглавляемых Л. Д. Троцким, которые обвиняли партийное большинство в том, что оно взяло курс на сближение с кулаком в деревне в ущерб развитию промышленности и, стало быть, на реставрацию капитализма в СССР.

«Сползание с пролетарской линии в наших условиях означает продвижение к двум разновидностям оппортунизма: меньшевизму и эсеровщине. Сталинский

центризм является полустанком на [этом] пути... сталинский центризм защищает и прикрывает правые уклоны, успокаивает и усыпляет сознание партии — насчет кулака, насчет частника, насчет отставания промышленности, насчет обеспеченности социализма в одной стране. Борьба с центризмом, который выступает под прикрытием традиционных большевистских форм, есть борьба за сохранение власти в руках пролетариата» (Троцкий, 1990, т. 2, с. 88), — такова позиция Л. Д. Троцкого, которую он сформулировал в сентябре 1926 г. в тезисах к пятнадцатой партийной конференции. В подтверждение правильности своей позиции Л. Д. Троцкий ссылается на общественное мнение в зарубежных капиталистических странах: «Курс на крепкого крестьянина выдвигается буржуазной печатью как основной момент прогрессивности сталинской группы... вся буржуазная печать в целом считает, что только победа сталинской группы над оппозицией способна обеспечить возвращение Советского Союза на путь капиталистического прогресса» (Троцкий, 1990f, с. 89).

Карл Радек цитирует некоторые, по его выражению, «крупнокапиталистические» издания, которые восхваляют сталинский курс «как курс на кулака»: «...пока Сталин у власти, кулака никто не обидит»; Сталин делает попытку «перехода от ставки на рабочих на ставку на кулака». «Мало того, — пишет К. Радек, — меньшевистская пресса с венской “Арбайтер Цайтунг” во главе приветствует победу Сталина как победу трестовиков, банковских директоров, аппаратчиков над революционными фантазерами 17-го года» (Радек, 1990, с. 53–54).

Об эволюции если не взглядов, то позиции самого Сталина на протяжении второй половины 20-х годов лучше всего судить по содержанию его выступлений на партийных и государственных мероприятиях, в печати. Поэтому для того чтобы с большей определенностью говорить об этом, нам придется по необходимости прибегнуть к весьма обширному цитированию.

Так, например, в апреле 1926 г. И. В. Сталин следующим образом оценивает значение новой экономической политики в ее соотношении с курсом на индустриализацию страны: «Основной факт, определяющий нашу политику, состоит в том, что в своем хозяйственном развитии наша страна вступила в новый период НЭПа, в новый период новой экономической политики, в период прямой индустриализации.

Пять лет прошло с тех пор, как Владимир Ильич провозгласил новую экономическую политику. Основная задача, стоявшая тогда перед нами, перед партией, состояла в том, чтобы в условиях развернутого товарооборота построить социалистический фундамент нашего народного хозяйства. Эта стратегическая задача стоит перед нами и теперь как наша основная задача» (Сталин, 1948а, с. 117).

Несколько позднее И. В. Сталин утверждает: «Создать экономическую базу социализма — это значит сомкнуть сельское хозяйство с социалистической индустрией в одно целостное хозяйство, подчинить сельское хозяйство руководству социалистической индустрии, наладить отношения между городом и деревней на основе обмена продуктов сельского хозяйства и индустрии, закрыть и ликвидировать все те каналы, при помощи которых рождаются классы и рождается прежде всего капитал, создать, в конце концов, такие условия производства и распределения, которые ведут прямо и непосредственно к уничтожению классов» (Сталин, 1948b, с. 22–23).

Итак, в 1926 г. И. В. Сталин стоит на том, что индустриализация страны — это не есть нечто изолированное, это этап в развитии новой экономической политики, предполагающий развертывание *рыночных отношений*, расширение *товарооборота*, в том числе и прежде всего товарооборота между промышленным и аграрным секторами хозяйства. С этих позиций, которые, как мы видим, полностью совпадают со взглядами Н. И. Бухарина и А. И. Рыкова, И. В. Сталин подвергает критике идеологов «левых» (точнее говоря, «социал-демократических уклонистов»¹²), в частности Л. Д. Троцкого и Е. А. Преображенского. В своем докладе на XV Всесоюзной конференции ВКП(б) 1 ноября 1926 г. И. В. Сталин, в частности приводит выдержки из цитировавшейся уже здесь статьи Е. А. Преображенского «Основной закон социалистического накопления» (Преображенский, 1924), который видит в крестьянстве если не исключительный, то главный источник накопления средств, необходимых для индустриализации, и констатирует: едва ли нужно доказывать, что Преображенский (являющийся одним из лидеров оппозиционного блока) «сбивается на путь непримиримых противоречий между интересами нашей индустрии и интересами крестьянского хозяйства нашей страны, — стало быть, на путь капиталистических методов индустриализации.

Я думаю, что Преображенский, приравнивая крестьянское хозяйство к «колонии» и пытаясь строить отношения между пролетариатом и крестьянством как отношения *эксплуатации*, — подрывает тем самым, пытается подорвать, сам того не понимая, основы всякой возможной социалистической индустриализации. Я утверждаю, что эта политика не имеет ничего общего с политикой партии, строящей дело индустриализации на основе экономического *сотрудничества* между пролетариатом и крестьянством».

Аналогичный упрек И. В. Сталин бросает и в адрес Л. Д. Троцкого, который якобы «опасается хорошего урожая»: Троцкий, видимо, думает, «что хороший урожай представляет опасность с точки зрения хозяйственного развития нашей страны... Троцкий, видимо, не признает того положения, что индустриализация может развиваться у нас лишь через постепенное улучшение материального положения трудовых масс деревни, — говорит И. В. Сталин. — Троцкий, видимо, исходит из того, что индустриализация должна осуществляться у нас через некоторый, так сказать, «нехороший урожай».

Отсюда практические предложения оппозиционного блока о поднятии отпускных цен, налоговом давлении на крестьянство и т. д., предложения, ведущие не к укреплению экономического сотрудничества между пролетариатом и крестьянством, а к его разложению, не к подготовке условий для гегемонии пролетариата в области хозяйственного строительства, а к подрыву этих условий, не к смычке индустрии с крестьянским хозяйством, а к их размычке» (Сталин, 1948а, с. 289–291).

¹² Строго говоря, внутривнутрипартийную оппозицию образца 1926 г. нельзя характеризовать в полной мере как «левую», поскольку здесь имел место союз людей с разнородными политическими и экономическими взглядами, часто прежде достаточно непримиримо дискутировавшими друг с другом (как, например, Л. Троцкий, Г. Зиновьев и Л. Каменев), союз, возникший главным образом на основе неприятия курса партийного большинства с И. В. Сталиным во главе. Это обстоятельство давало основание для обвинений представителей «троцкистско-зиновьевского блока» в беспринципности, а их идеологию в целом — как «социал-демократический уклон».

Основной плюс социалистического метода индустриализации, по словам И. В. Сталина, состоит в том, что он ведет к единству интересов индустриализации и основных масс трудящихся слоев населения, не к обнищанию миллионных масс, а к улучшению их материального положения, не к обострению внутренних противоречий, а к их сглаживанию и преодолению, в том, что он неуклонно расширяет внутренний рынок и поднимает емкость этого рынка, создавая таким образом прочную внутреннюю базу для развертывания индустриализации.

Оппозиционный же блок констатирует И. В. Сталин, «исходит из противопоставления индустрии сельскому хозяйству и сбивается на путь отрыва индустрии от сельского хозяйства. Он не понимает и не признает, что нельзя двигать вперед индустрию, обходя интересы сельского хозяйства, нарушая эти интересы. Он не понимает, что если индустрия является руководящим началом народного хозяйства, то сельское хозяйство, в свою очередь, представляет ту базу, на основе которой может развертываться у нас индустрия». Отсюда, по словам И. В. Сталина, «рассматривание крестьянского хозяйства как “колоний”, которую должно “эксплуатировать” пролетарское государство (Преображенский). Отсюда боязнь хорошего урожая (Троцкий), являющегося будто бы силой, могущей дезорганизовать нашу экономику» (Сталин, 1948а, с. 287–288).

Эти констатации на многие последующие годы вошли во все партийные издания и учебники, авторы которых ничуть не считались с тем, как развертывались реальные события в последующее время. «Мы не только строить социализм за счет деревни не собираемся, не только ни одного миллиона на индустриализацию не извлекаем из деревни, но даже из затрат на такие общегосударственные нужды, как оборона страны, администрация, суд и т. д., ни одного гроша на деревню не перелагаем», — заявляет С. Г. Струмилин в середине 1927 г., т. е. уже тогда, когда акценты в политике правящего партийного большинства начали существенно меняться (Струмилин, 1927, с. 16)¹³. И много позднее, в несколько иных политических условиях, официальное партийное издание констатирует, что нужные для индустриализации материальные ресурсы страна не могла получить традиционными для капиталистической индустриализации средствами: за счет ограбления колоний, военных контрибуций, беспощадной эксплуатации трудящихся своей страны, внешних займов. На эти цели нужно было найти средства внутри страны. И такие средства нашлись благодаря завоеваниям Великой Октябрьской социалистической революции (История КПСС, 1959, с. 382).

Очень скоро в выступлениях И. В. Сталина начинают звучать несколько иные нотки. Уже в январе 1928 г. он вносит предложение «потребовать от кулаков немедленной сдачи всех излишков хлеба по государственным ценам» под страхом уго-

¹³ Обратим внимание на то, что самому С. Г. Струмилину о наметившемся изменении в политике партии было хорошо известно — об этом свидетельствует название статьи, обращенной против нарождавшихся, точнее говоря, создаваемых искусственно «правых капитулянтов» в лице Н. И. Бухарина и других. Следует заметить также, что суть претензий к «правым» удивительным образом совпадает с более ранними претензиями со стороны Л. Д. Троцкого, обвинявшего, как мы видели, «центристов» (в число которых включался не только Бухарин, но и Сталин) в «эсеровщине». При этом С. Г. Струмилин, как верный солдат партии, никогда за свою долгую жизнь не мог быть заподозренным в каких-либо отклонениях от «генеральной линии» партии.

ловной ответственности и конфискации у них хлебных излишков с последующим распределением 25 % конфискованного хлеба среди бедноты и маломощных середняков по низким государственным ценам или в порядке долгосрочного кредита». Как он полагает, «эти меры дадут великолепные результаты и нам удастся не только выполнить, но и перевыполнить план хлебозаготовок».

Вместе с тем И. В. Сталин указывает на то, что эти меры носят чрезвычайный характер и могут дать эффект только в текущем году. Но, по его словам, «можно с уверенностью сказать, что, пока существуют кулаки, будет существовать и саботаж хлебозаготовок». Чтобы поставить хлебозаготовки на более или менее удовлетворительную основу, нужно осуществлять «развертывание строительства колхозов и совхозов» (Сталин, 1953а, с. 4–5). Подводя под этот свой вывод теоретическую основу, И. В. Сталин констатирует: «В настоящее время Советский строй держится на двух разнородных основах: на объединенной *социализированной* промышленности и на *индивидуальном* мелкокрестьянском хозяйстве, имеющем в своей основе *частную* собственность на средства производства. Может ли держаться долго на этих разнородных основах Советский строй? Нет, не может...

Стало быть, для упрочения Советского строя и победы социалистического строительства в нашей стране совершенно недостаточно социализации одной лишь промышленности. Для этого необходимо перейти от социализации промышленности к социализации всего сельского хозяйства... Это значит, во-первых, что нужно постепенно, но неуклонно объединять индивидуальные крестьянские хозяйства, являющиеся наименее товарными хозяйствами, в коллективные хозяйства, в колхозы, являющиеся наиболее товарными хозяйствами. Это значит, во-вторых, что нужно покрыть все районы нашей страны, без исключения, колхозами (и совхозами), способными заменить как сдатчика хлеба государству не только кулаков, но и индивидуальных крестьян. Это значит, в-третьих, ликвидировать все источники, рождающие капиталистов и капитализм, и уничтожить возможность реставрации капитализма...» (Сталин, 1953а, с. 6–7).

Намечая программу, которая в самом ближайшем будущем самым кардинальным и трагическим образом будет реализована, И. В. Сталин в этот период еще сохраняет, по крайней мере на словах, свою приверженность новой экономической политике. «Разговоры о том, что мы будто бы отменяем НЭП, вводим продразверстку, раскулачивание и т. д., являются контрреволюционной болтовней, против которой необходима решительная борьба. НЭП есть основа нашей экономической политики и остается таковой на длительный исторический период. НЭП означает товарооборот и допущение капитализма при условии, что государство оставляет за собой право и возможность регулировать торговлю с точки зрения диктатуры пролетариата. Без этого новая экономическая политика означала бы простое восстановление капитализма, чего не хотят понять контрреволюционные болтуны, толкующие об отмене НЭПа» (Сталин, 1953b, с. 16), — говорит он в феврале 1928 г.

Выступая на Пленуме ЦК ВКП(б) 5 июля 1928 г., Сталин констатирует: «НЭП есть политика пролетарской диктатуры, направленная на преодоление капиталистических элементов и построение социалистического хозяйства в порядке использования рынка, через рынок, а не в порядке прямого продуктообмена, без рынка и помимо рынка... В той или иной степени новая экономическая политика

с ее рыночными связями и использованием этих рыночных связей абсолютно необходима для каждой капиталистической страны в период диктатуры пролетариата» (Сталин, 1953е, с. 144–145).

Что касается чрезвычайных мер, то они применялись лишь потому, что «мы имели ряд чрезвычайных обстоятельств, созданных спекулянтскими махинациями кулачества и угрожавших голодом. Ясно, что, если в будущем заготовительном году не будет чрезвычайных обстоятельств и заготовки пройдут нормально, 107 статья (УК РСФСР. — Е. Х.) не будет иметь применения. И наоборот, если чрезвычайные обстоятельства наступят и капиталистические элементы начнут опять “финтить”, 107 статья снова появится на сцене».

Вместе с тем в дальнейшем И. В. Сталин прибегает к весьма знаменательному логическому приему: подчеркивая свою приверженность новой экономической политике, он существенно иначе начинает трактовать *суть* НЭПа: «Было бы глупо говорить на этом основании об “отмене” НЭПа, о “возврате” к продрозверстке и т. д. Об отмене НЭПа могут теперь помышлять лишь враги Советской власти. Никому так не выгодно теперь новая экономическая политика, как Советской власти. Но есть люди, которые думают, что НЭП означает не усиление борьбы с капиталистическими элементами, в том числе и с кулачеством, на предмет их преодоления, а прекращение борьбы с кулачеством и другими капиталистическими элементами. Нечего и говорить, что такие люди не имеют ничего общего с ленинизмом, ибо таким людям нет места и не может быть места в нашей партии» (Сталин, 1953с, с. 46–47).

В развитие этого тезиса И. В. Сталин прежде всего совершенно по-другому, чем ранее, ставит вопрос об источниках накопления в целях осуществления социалистической индустриализации. Он усматривает два таких источника: рабочий класс и крестьянство. При этом, по мнению И. В. Сталина, крестьянство «платит государству не только обычные налоги, прямые и косвенные, но оно еще *переплачивает* на сравнительно высоких ценах на товары промышленности — это во-первых, и более или менее *недополучает* на ценах на сельскохозяйственные продукты — это во-вторых».

Это есть добавочный налог на крестьянство в интересах подъема индустрии, обслуживающей всю страну, в том числе и крестьянство. Это есть нечто вроде “дани”, нечто вроде сверхналога, который мы вынуждены брать временно для того, чтобы сохранить и развить дальше нынешний темп развития индустрии, обеспечить индустрию для всей страны, поднять дальше благосостояние деревни и потом уничтожить вовсе этот добавочный налог, эти “ножницы” между городом и деревней... без этого добавочного налога на крестьянство, к сожалению, наша промышленность и наша страна *пока что* обойтись не могут» (Сталин, 1953f, с. 159).

Одновременно И. В. Сталин исподволь начинает готовить почву для своего печально знаменитого тезиса об обострении классовой борьбы в период развернутого строительства социализма. Обратим внимание, что едва ли не впервые эта идея формулируется им на съезде ВЛКСМ, то есть в достаточно экономически и политически незрелой, но при этом, как правило, радикально настроенной среде: «Неверно, что у нас нет уже классовых врагов, что они побиты и ликвидированы. Нет, товарищи, наши классовые враги существуют. И не только существуют, но растут, пытаются выступить против Советской власти...

Отсюда очередная задача партии, политическая линия ее повседневной работы: *поднять боевую готовность рабочего класса против его классовых врагов*» (Сталин, 1953d, с. 69–70)¹⁴.

Отныне суть новой экономической политики начинает трактоваться И. В. Сталиным в глубокой привязке этой политики, во-первых, к административной ее составляющей, а во-вторых, к расширению классовой борьбы в стране (но им предусмотрительно опровергается возможное обвинение в том, что партия и Советское государство выступают в качестве инициаторов в разжигании классовой борьбы).

Неправильно было бы думать, говорит И. В. Сталин, что пролетарская диктатура в СССР начала свою экономическую работу с военного коммунизма. Наоборот, пролетарская диктатура начала у нас свою строительную работу не с военного коммунизма, а с провозглашения основ так называемой новой экономической политики. В качестве подтверждения этого своего вывода Сталин ссылается на работу В. И. Ленина «Очередные задачи Советской власти» (1918), в которой якобы обосновываются контуры новой экономической политики (Сталин, 1953e, с. 146).

Здесь нам придется прервать цитирование и напомнить главные идеи книги В. И. Ленина. Они сводятся к следующему: главная задача победившей пролетарской революции — *обобществить* производство *на деле*; обеспечить строжайший и повсеместный учет и контроль производства и распределения продуктов; ввести монополию внешней торговли и трудовую повинность; провести всеобщую кооперацию населения (видимо, в рамках потребительской кооперации). Но главное — обеспечение учета и контроля, причем в сфере как частной, так и национализированной промышленности (Ленин, 1974, с. 171–187).

Как видим, ссылка И. В. Сталина на упомянутую работу есть очевидная подтасовка. На самом деле учет и контроль сами по себе есть вещи *нейтральные*. Нельзя вести хозяйство без учета и контроля производимой продукции и ее распределения. Поэтому и учет, и контроль осуществляются в хозяйстве *любого типа* — начиная от натурального и кончая высокой степени товарным, как на микро-, так и на макроэкономическом уровне. Вопрос, таким образом, заключается не в том, контролировать или нет, — для этого не нужно было устраивать революцию, а в том, *как* и *для чего* контролировать. Нет никакого сомнения, что *рабочий контроль* периода «передышки» мало похож на тот контроль, что имел место в условиях хотя и крайне ограниченной, но рыночной НЭПовской экономики. Точно так же и то, что вкладывал Ленин в свое понимание «учета и контроля» в 1918 г., мало похоже на то, что делалось в этой области в 1921 г. Таким образом, все меры, описанные В. И. Лениным в работе 1918 г., есть, несомненно, контуры новой экономической

¹⁴ Следует, впрочем, отметить, что авторство тезиса об обострении классовой борьбы едва ли можно приписать исключительно И. В. Сталину. Приведем еще одно суждение: «При быстром темпе социалистического строительства, при непосредственном вовлечении в это строительство самого многочисленного в нашей стране класса — крестьянства — преодоление... затруднений и осуществление всего плана социалистической индустриализации и реконструкции не могут не быть связаны с усилением классовой борьбы в деревне, не могут не вызывать и у правительства необходимости применения в некоторых областях работы наряду с мерами убеждения принудительных мер для борьбы с враждебными социалистическому строительству классовыми силами» (Рыков, 1990, с. 468).

политики в сравнении с *ранее* практиковавшейся. Однако НЭП образца 1921 г. здесь обнаружить совершенно невозможно.

Тотальный государственный учет и контроль *всей* промышленности есть не что иное, как ограничение и полное исключение частной инициативы и рынка. В этом смысле меры, предлагаемые В.И. Лениным в 1918 г. (а теоретически обоснованные ранее, летом 1917 г., в работе «Государство и революция»), есть не что иное, как практическая подготовка к проведению политики военного коммунизма; собственно говоря, будучи реализованными на практике в течение 1918–1921 гг., они и составили то, что было определено как «военный коммунизм» (Хохлов, 2010). Таким образом, совершенно очевидно, что под лозунгом НЭПа Сталиным проводятся уже совершенно иные категории¹⁵.

Более того, по словам И. В. Сталина, НЭП не есть отступление, это продолжение классовой борьбы.

«Конечно, нашу политику никак нельзя считать политикой разжигания классовой борьбы, — утверждает он, — поскольку разжигание классовой борьбы ведет к гражданской войне. Но в силу того, что мы стоим у власти, коль скоро мы упрочили эту власть и командные высоты сосредоточены в руках рабочего класса, мы не заинтересованы в том, чтобы классовая борьба принимала формы гражданской войны. Но это вовсе не значит, что тем самым отменена классовая борьба или что она, эта классовая борьба, не будет обостряться. Это тем более не значит, что классовая борьба не является будто бы решающей силой нашего продвижения вперед».

Далее И. В. Сталин разъясняет причины, по которым, по его мнению, развитие социалистических форм хозяйства будет сопровождаться обострением классовой борьбы: дело в том, что развитие этих форм в сфере торговли, промышленности и сельского хозяйства будет неизбежно вытеснять отсюда множество торговцев, средних и мелких капиталистов-промышленников, кулаков. Соответственно, нет никаких оснований думать, будто эти лишившиеся привычного образа жизни, более того, по словам Сталина, «разоренные люди» не попытаются организовать сопротивления (Сталин, 1953f, с. 170).

¹⁵ Следует, однако, подчеркнуть, что историческая фикция, будто к новой экономической политике предполагалось перейти еще в 1918 г., начала формироваться задолго до упомянутого выступления И. В. Сталина. В подтверждение своей позиции он цитирует Резолюцию IX Всероссийского съезда Советов (декабрь 1921 г.), в которой утверждается, что «так называемая новая экономическая политика, основные начала которой были точно определены *еще во время первой передышки, весной 1918 г.* (курсив Сталина. — Е. Х.), основывается на строгом учете экономических сил Советской России. Осуществление этой политики, прерванное комбинированным нападением на рабоче-крестьянское государство контрреволюционных сил русских помещиков и буржуазии и европейского империализма, стало возможно лишь после военной ликвидации попыток контрреволюции, к началу 1921 г.» (Сталин, 1953f, с. 165). Следует отметить, что приведенное суждение буквально воспроизводит часть пункта 18 резолюции XI Всероссийской конференции РКП(б). Думается, не стоит доказывать, что содержание указанных резолюций есть одна из множества попыток объяснить и оправдать что-то сделанное «задним числом»; в данном случае в 1921 г. нас пытаются убедить в том, что построение модели рыночной экономики при активной интервенционистской (регулятивной) деятельности государства на самом деле было задумано чуть ли не сразу после социалистической революции (в 1918 г.). В этом же ряду можно указать, например, и развиваемый Н. И. Бухариным тезис относительно неизбежного падения уровня производительных сил страны в результате революции (Бухарин, 1989а, с. 129).

Как видим, логика Сталина проста и вполне очевидна: переход к социализму будет осуществляться чисто командными, административными мерами, предпринимаемыми государством; применение этих мер есть не что иное, как прямое насилие, сопровождаемое разорением и десоциализацией огромного множества людей; само собой разумеется, нельзя ожидать, чтобы эти люди покорно приняли такое кардинальное изменение своего положение. Отсюда — обострение «классовой борьбы», в которой социалистическое государство должно быть готовым одержать победу. Воистину, если враг отсутствует, его надобно выдумать, точнее говоря, *создать*, применив для этого *насилие*, с тем чтобы с помощью еще большего насилия *уничтожить* врага. Нечего и говорить, что такая логика совершенно не укладывается в модель новой экономической политики, когда борьбу старого и нового укладов предполагается вести в экономической сфере, на началах конкуренции, и когда во всяком случае не приходится ожидать откровенной классовой борьбы между представителями старого уклада и государством, ибо не государство является прямым их противником в этой борьбе.

Следуя именно этой логике, И. В. Сталин и обрушивается с критикой на позицию, защищаемую Бухариным, Рыковым и Томским. Выступая с речью на Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в апреле 1929 г., он категорически отвергает их декларацию, в которой они «грубо-клеветнически» обвиняют партию, в частности, в проведении политики военно-феодальной эксплуатации крестьянства. Разногласия в партии возникли на почве того обострения классовой борьбы, которое происходит в последнее время и которое создает перелом в развитии: «Главная ошибка группы Бухарина состоит в том, что она не видит этих сдвигов и этого перелома, не видит и не хочет их замечать» (Сталин, 1949а, с. 3–4, 10).

Обвиняя Н. И. Бухарина в следовании немарксистской позиции «О вращении кулачества в социализм», И. В. Сталин говорит: «До сих пор мы, марксисты-ленинцы, думали, что между капиталистами города и деревни, с одной стороны, и рабочим классом, с другой стороны, существует *непримиримая* противоположность интересов. На этом именно и зиждется марксистская теория классовой борьбы. А теперь, согласно теории Бухарина о *мирном вращении* капиталистов в социализм, все это переворачивается вверх дном, непримиримая противоположность классовых интересов эксплуататоров и эксплуатируемых исчезает, эксплуататоры вырастают в социализм...

Против кого же надо вести борьбу, против кого же надо вести самую острую форму классовой борьбы, если капиталисты города и деревни вырастают в систему диктатуры пролетариата?

Диктатура пролетариата нужна для того, чтобы вести непримиримую борьбу с капиталистическими элементами, для того, чтобы подавлять буржуазию и вырвать капитализм с корнями. Но если капиталисты города и деревни, если кулак и концессионер вырастают в социализм, нужна ли вообще после этого диктатура пролетариата, и если нужна, то для подавления какого класса?» (Сталин, 1949а, с. 28–30).

Нам нужно обязательно вернуться к этой мысли Сталина, здесь же ограничимся лишь тем, что обратим внимание читателя на чудовищную, без всякого преувеличения бесчеловечную логику этой мысли. В самом деле, некая *теория* требует, чтобы были классы и между этими классами велась борьба, причем борьба на унич-

тожение. Стало быть, мы — правящая партия — обеспечим классовую борьбу, подавление и в конечном счете уничтожение враждебного класса. То, что у сотен тысяч и даже миллионов ни в чем не повинных людей круто изменится судьба, вплоть до того, что многие и даже очень многие из них потеряют собственную жизнь, не имеет никакого значения. И пусть торжествует *теория!*

Таким образом, применение чрезвычайных мер (вопреки «комическим воплям Бухарина и Рыкова» по этому поводу) получает здесь «теоретическое» обоснование: «...а что в этом плохого? Почему нельзя иногда при известных условиях применять чрезвычайные меры против нашего классового врага, против кулачества? <...> Разве наша партия когда-либо высказывалась в *принципе* против применения чрезвычайных мер в отношении спекулянтов и кулачества? Разве у нас нет закона против спекулянтов?» (Сталин, 1949а, с. 89).

Окончательное завершение эта идея получает на XVI съезде ВКП(б), проходившем летом 1930 г. Этот съезд, по словам И. В. Сталина, «есть съезд *развернутого наступления* социализма *по всему фронту*, ликвидации кулачества как класса и проведения в жизнь сплошной коллективизации. Вот вам в двух словах существо генеральной линии нашей партии» (Сталин, 1949с, с. 342). Один из важнейших аспектов этой линии сформулирован чуть ли не с юмором: «...теперь мы проводим политику ликвидации кулачества как класса. Политику, в сравнении с которой чрезвычайные меры против кулачества представляют пустышку. И ничего — живем» (Сталин, 1951а, с. 14). То, что последнее слово не могли произнести уже многие, и чем дальше, тем больше людей, его, видимо, интересовало в наименьшей степени.

При таких условиях официальный отказ от НЭПа становился пустой формальностью. И эта формальность была совершена И. В. Сталиным в конце 1929 г.: «Надо вскрыть ошибку тех, которые думают, что новая экономическая политика нужна лишь для связи между городом и деревней. Нам нужна такая связь, которая обеспечивает победу социализма. И если мы придерживаемся НЭПа, то потому, что он служит делу социализма. А когда перестанет служить делу социализма, отбросим к черту. Ленин говорил, что НЭП введен всерьез и надолго. Но он никогда не говорил, что навсегда» (Сталин, 1949b, с. 171).

Подводя итоги первой пятилетки, И. В. Сталин констатировал в январе 1933 г.: «В результате осуществления пятилетки мы добились того, что вышибли вконец последние остатки враждебных классов из их производственных позиций, разгромили кулачество и подготовили почву для его уничтожения. Таков итог пятилетки в области борьбы с последними отрядами буржуазии. Но этого мало. Задача состоит в том, чтобы вышибить этих бывших людей из наших же собственных предприятий и учреждений и окончательно их обезвредить» (Сталин, 1951b, с. 211). В отчетном докладе XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б) 26 января 1934 г. было констатировано, что капиталистическое хозяйство в СССР уже ликвидировано, а единолично-крестьянский сектор в деревне оттеснен на второстепенные позиции; социалистический уклад является безраздельно господствующей и единственно командующей силой во всем народном хозяйстве. С капиталистическими элементами в промышленности уже покончено, а социалистическая система хозяйства является теперь единственной и монопольной системой в нашей промышленности (Сталин, 1951с, с. 309, 314).

Выводы

Юрий Фельштинский во вступительной статье к составленному им четырехтомному собранию документов из архива Л. Д. Троцкого констатирует: в конце 20-х годов левая оппозиция в СССР «терпит поражение, а Сталин, разгромив своих горе-противников, берет на вооружение их политическую программу и проводит в стране коллективизацию и индустриализацию самым радикальным путем, о котором и не мечтали левые оппозиционеры, упрекавшие Сталина в “правом уклоне”» (Фельштинский, 1990, т. 1, с. 8). Такая трактовка может быть принята, но с весьма существенными уточнениями.

В самом деле, нельзя не заметить совершенно очевидного «дрейфа» сталинской группировки (состав которой, надо сказать, не был постоянным) «справа» — от идеологии рыночной, регулируемой государством, плюралистической экономики. Имея это в виду, можно с полным основанием утверждать, что в конце 20-х годов партия столкнулась не с так называемым «правым уклоном» в лице Бухарина, Рыкова и Томского, а с крутым виражом, который проделала «генеральная линия партии».

Но в каком направлении был этот дрейф, иными словами, были ли предметом «мечты» левых оппозиционеров те методы и те результаты, которые практиковались деятелями «генеральной линии партии» и к которым в конечном счете пришла страна? Как представляется, проанализированные выше данные дают основания для отрицательного ответа на поставленный вопрос.

Прежде всего не следует преувеличивать величину той пропасти, которая якобы разделяла левых и правых «уклонистов». Объединяло же их отнюдь не стремление возродить в стране капиталистический строй, что являлось дежурным обвинением со стороны официальной партийной пропаганды, ибо и те, и другие были самыми правоверными коммунистами. Главным объединяющим моментом было то, что все они, или, точнее говоря, авторитетные идеологи «уклонистов», были достаточно квалифицированными экономистами, пытавшимися решать *экономические* проблемы *экономическими* средствами. Эта характеристика в полной мере применима к такому теоретику, как Н. И. Бухарин, и к такому практику, как А. И. Рыков, но не в меньшей мере сказанное относится и к «левым», прежде всего к Е. А. Преображенскому и даже к Л. Д. Троцкому. Расхождения между ними, стало быть, заключались в определении *методов* осуществления экономического управления, и эти расхождения могли разрешаться в ходе научных дискуссий. Отметим, кстати, что, например, Н. И. Бухарин при случае давал весьма лестную характеристику Е. А. Преображенскому, своему оппоненту в такого рода спорах. Поэтому ни «левые», ни тем более «правые» не только не мечтали — им в самом страшном сне не могли присниться то направление и те конкретные формы, которые в скором времени примет «генеральная линия» их собственной партии, линия, ведущая к тому самому политическому и экономическому безумию, от которого тщетно пытался «оттащить» руководство партии Н. И. Бухарин в своем последнем выступлении в качестве политического деятеля. Мы воздержимся здесь от формулирования предположений о том, по какому пути пошла бы страна в случае гипотетической победы в партии левого или правого «уклонов», но реальность такова, что победило именно «хозяйственное и политическое сумасшествие». К сожалению, в своей

дальнейшей истории страна будет регулярно переживать обострения такого рода безумия.

В практической плоскости этот феномен принял вполне конкретные очертания соответствующего хозяйственного и правового механизма, который и начал создаваться на рубеже 20–30-х годов. В основу этого механизма была положена идея *целесообразного управления* экономикой как единого народнохозяйственного комплекса, а стало быть — система императивного (директивного) планирования. На первый ряд выдвигаются чисто количественные и временные параметры, которые следовало в ходе реализации плана превзойти (дать объемы бóльшие и в более короткие сроки, нежели предусмотренные соответствующим — месячным, квартальным, годовым, пятилетним — планом). Самым парадоксальным при этом было то, что директивный (т. е. состоящий из императивных предписаний) план трактовался как закон, причем, похоже, даже не как закон юридический, а закон, который сродни закону природному, закон, которому должна послушно следовать экономика в течение запланированного периода времени. Но для того чтобы иметь возможность осуществлять такое управление и планирование, необходимо сосредоточить в одних руках (руках государства) все необходимые ресурсы, с тем чтобы планомерно распределить их по отраслям хозяйственной деятельности и по территории. Поскольку важнейшим таким ресурсом является труд, естественным образом (в рамках данной системы) возникла потребность создания единого *механизма управления трудом*.

В заключение заметим, что значение события, свершившегося в нашей стране девяносто лет назад, в настоящее время отнюдь нельзя рассматривать как только, хотя и значительный, исторический факт, но факт, характеризующий исключительно определенную эпоху в истории нашей страны. На самом деле этот факт продолжает сохранять свою актуальность и в настоящее время, оказывая влияние на суждения, оценки, а следовательно, и принимаемые решения в наши дни.

Данная статья призвана показать, что экономическая политика, обусловившая «великий перелом», отнюдь не рассматривалась тогдашней политической элитой как безошибочная и единственно верная: тогдашний политически правящий слой отнюдь не был монолитно сплоченным в оценке принимаемых решений, формулировались разного рода альтернативные варианты. Примечательно то, что указанные альтернативные варианты замалчивались в прежние времена, их содержание в лучшем случае искажалось. Истинное содержание взглядов проигравших, причем как с «левой», так и с «правой» стороны, в настоящее время известно лишь специалистам, и в задачу настоящей статьи входило их доведение в обобщенной форме до сведения широкой научной общественности.

При этом важно подчеркнуть, что все главные «действующие лица», имевшие отношение к выработке такой политики, были убежденнейшими марксистами. Таким образом, можно констатировать, что даже в рамках марксистской парадигмы имелись варианты альтернативного развития. Но были ли шансы на успех этих альтернатив? На этот вопрос приходится давать отрицательный ответ, однако для его обоснования требуется другая статья.

Библиография

- Базаров, Владимир А. 2014. Темп накопления и командные высоты. *Избранные произведения*. Т. 1, с. 342–355. Москва: Дело.
- Бакаев, М., Лидзин, Г., Лашевич М., и др. 1990. Заявление июльскому Пленуму ЦК и ЦКК ВКП(б). Членам ЦК и ЦКК. *Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923–1927* / ред.-сост. Ю. Фельштинский. Т. 2, с. 11–24. Москва: Терра.
- Бухарин, Николай И. 1989а. Экономика переходного периода. *Бухарин Н.И. Проблемы теории и практики социализма*, с. 94–176. Москва: Изд-во политической литературы.
- Бухарин, Николай И. 1989б. Программный вопрос на VI конгрессе Коммунистического Интернационала. Доклад 9 августа 1928 г. *Проблемы теории и практики социализма*, с. 189–252. Москва: Изд-во политической литературы.
- Бухарин, Николай И. 1989с. Выступление на объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 18 апреля 1929 г. *Проблемы теории и практики социализма*, с. 253–308. Москва: Изд-во политической литературы.
- Зиновьев, Григорий Е., Каменев, Лев Б., Троцкий, Лев Д. 1990. Заявление Президиуму VII расширенного Пленума ИККИ (середина декабря 1926 г.). *Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923–1927* / ред.-сост. Ю. Фельштинский. Т. 2, с. 150–155. Москва: Терра.
- История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс* / под ред. Комиссии ЦК ВКП(б); одобрен ЦК ВКП(б). 1938 год. Москва, 1946.
- История Коммунистической партии Советского Союза*. Москва, 1959.
- Кернер, Леонид Д. 1990. О социализме в одной стране. *Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923–1927* / ред.-сост. Ю. Фельштинский. Т. 2, с. 133–141. Москва: Терра.
- Кондратьев, Николай Д. 1989. Критические заметки о плане развития народного хозяйства. *Каким быть плану: дискуссии 20-х годов: Статьи и современный комментарий* / сост. Эдуард Б. Корицкий. Ленинград: Лениздат. С. 95–135.
- Корицкий, Эдуард Б. (сост.) 1989. *Каким быть плану: дискуссии 20-х годов: Статьи и современный комментарий*. Ленинград: Лениздат.
- Ленин, Владимир И. 1974. Очередные задачи Советской власти. *Полное собрание сочинений*. Т. 36, с. 165–208. Москва: Изд-во политической литературы.
- Маркс, Карл. 1961. Конспект книги Бакунина «Государственность и анархия». *Маркс Карл, Фридрих Энгельс. Сочинения*. 2-е изд. Т. 18, с. 579–624. Москва: Госполитиздат.
- Преображенский, Евгений А. 1924. Основной закон социалистического накопления. *Вестник Коммунистической академии*. Кн. VIII. С. 47–116.
- Радек, Карл 1990. Об оппозиции. *Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923–1927* / ред.-сост. Ю. Фельштинский. Т. 2, с. 40–55. Москва: Терра.
- Рыков, Александр И. 1990. На подъеме (Доклад на второй сессии ЦИК СССР). *Избранные произведения*, с. 453–472. Москва: Экономика.
- Сталин, Иосиф В. 1948а. О хозяйственном положении Советского Союза и политика партии. Доклад активу ленинградской организации о работе Пленума ЦК ВКП(б) 13 апреля 1926 г. *Сочинения*. Т. 8, с. 116–148. Москва: Госполитиздат.
- Сталин, Иосиф В. 1948б. Еще раз о социал-демократическом уклоне в нашей партии. Доклад VII расширенному Пленуму ИККИ 7 декабря 1926 г. *Сочинения*. Т. 9, с. 3–61. Москва: Госполитиздат.
- Сталин, Иосиф В. 1953а. О хлебозаготовках и перспективах развития сельского хозяйства. Из выступлений в различных районах Сибири в январе 1928 г. (Краткая запись). *Сочинения*. Т. 11, с. 1–9. Москва: Госполитиздат.
- Сталин, Иосиф В. 1953б. Первые итоги заготовительной кампании и дальнейшие задачи партии. Ко всем организациям ВКП(б). *Сочинения*. Т. 11, с. 10–19. Москва: Госполитиздат.
- Сталин, Иосиф В. 1953с. О работах апрельского объединенного Пленума ЦК и ЦКК. Доклад на собрании актива московской организации ВКП(б) 13 апреля 1928 г. *Сочинения*. Т. 11, с. 27–64. Москва: Госполитиздат.
- Сталин, Иосиф В. 1953д. Речь на VIII съезде ВЛКСМ 16 мая 1928 г. *Сочинения*. Т. 11, с. 66–77. Москва: Госполитиздат.

- Сталин, Иосиф В. 1953е. О программе Коминтерна. Речь 5 июля 1928 г. на июльском (1928 г.) Пленуме ЦК ВКП(б). *Сочинения*. Т. 11, с. 141–156. Москва: Госполитиздат.
- Сталин, Иосиф В. 1953f. Об индустриализации и хлебной проблеме. Речь на июльском (1928 г.) Пленуме ЦК ВКП(б) 9 июля 1928 г. *Сочинения*. Т. 11, с. 157–187. Москва: Госполитиздат.
- Сталин, Иосиф В. 1949а. О правом уклоне в ВКП(б). Речь на пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в апреле 1929 г. *Сочинения*. Т. 12, с. 1–107. Москва: Госполитиздат.
- Сталин, Иосиф В. 1949б. К вопросам аграрной политики в СССР. Речь на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 г. *Сочинения*. Т. 12, с. 141–172. Москва: Госполитиздат.
- Сталин, Иосиф В. 1949с. Политический отчет ЦК XVI съезду ВКП(б) 27 июня 1930 г. *Сочинения*. Т. 12, с. 235–373. Москва: Госполитиздат.
- Сталин, Иосиф В. 1951а. Заключительное слово по политическому отчету ЦК XVI съезду ВКП(б) 2 июля 1930 г. *Сочинения*. Т. 13, с. 1–16. Москва: Госполитиздат.
- Сталин, Иосиф В. 1951б. Итоги первой пятилетки. Доклад 7 января 1933 г. на Объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 7–12 января 1933 г. *Сочинения*. Т. 13, с. 161–215. Москва: Госполитиздат.
- Сталин, Иосиф В. 1951с. Отчетный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б) 26 января 1934 г. *Сочинения*. Т. 13, с. 282–379. Москва: Госполитиздат.
- Струмилин, Станислав Г. 1927. Индустриализация СССР и эпигоны народничества. *Плановое хозяйство*. 8: 7–34.
- Троцкий, Лев Д. 1990а. *Всем членам и кандидатам ЦК. В Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923–1927 / ред.-сост. Ю. Фельштинский*. Т. 1, с. 12–18. Москва: Изд. центр «Терра» (Copyright 1988 by Chalidze Publications).
- Троцкий, Лев Д. 1990б. Тезисы о промышленности. 6 марта 1923 г. *Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923–1927 / ред.-сост. Ю. Фельштинский*. Т. 1, с. 35–48. Москва: Терра.
- Троцкий, Лев Д. 1990с. Теория социализма в отдельной стране. Несостоятельность этой теории. Революционный скептицизм и национальная ограниченность как ее предпосылки. *Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923–1927 / ред.-сост. Ю. Фельштинский*. Т. 1, с. 141–147. Москва: Терра.
- Троцкий, Лев Д. 1990d. Заметки по экономическим вопросам. 15 января 1926 г. *Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923–1927 / ред.-сост. Ю. Фельштинский*. Т. 1, с. 170–172. Москва: Терра.
- Троцкий, Лев Д. 1990е. Вопросы и ответы, написанные мною для пропаганды. Сентябрь 1926 г. *Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923–1927 / ред.-сост. Ю. Фельштинский*. Т. 2, с. 64–77. Москва: Терра.
- Троцкий, Лев Д. 1990f. К пятнадцатой партийной конференции. *Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923–1927 / ред.-сост. Ю. Фельштинский*. Т. 2, с. 83–103. Москва: Терра.
- Троцкий, Лев Д. 1990g. Оценка нашей революции и вопрос о крестьянстве. *Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923–1927 / ред.-сост. Ю. Фельштинский*. Т. 2, с. 114–117. Москва: Терра.
- Фельштинский, Юрий (ред.-сост.) 1990. *Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923–1927*. Т. 1, 2. Москва: Терра.
- Хохлов, Евгений Б. 2010. Теория и практика организации управления трудом в первые годы Советской власти. *Российский Ежегодник трудового права*. № 6. С. 7–30.
- Хохлов, Евгений Б. 2013. *История труда и трудовое право*. Т. 1. История труда в контексте хозяйственных, политических и ментальных систем. Науч. ред. Игорь Ю. Козлихин. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петербург. ун-та.

Контактная информация:

Хохлов Евгений Борисович — д-р юрид. наук, проф.; e.hohlov@spbu.ru

Ideological foundations of economic reform in the late twenties

E. B. Khokhlov

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

The article deals with the period that entered the Soviet history as the period of the «great turning point», that is, the period of fundamental economic reform aimed at creating a socialist economic and legal mechanism. The subject of the article is the ideological struggle that unfolded in the late twenties in the party-state apparatus on the construction of a socialist economy in the USSR. The author shows how a significant ideological crisis that arose in the second half of the twenties of the last century led to the emergence of economic problems in the country. The method of economic regulation acquires ideological significance, which was manifested in the assessments of the new economic policy and in the content of the economic policy of the Soviet state. From this point of view, the article analyzes the right and left opposition and the “General” line in the party and concludes that in the late twenties the party faced not the so-called “right” bias, but a steep turn of the General line of the party. The main point uniting the right and left was not the desire to revive the capitalist system in the country, but the attempt to solve economic problems by economic, not political means. The article is intended to show that the economic policy that led to the “great turning point” was not considered by the political elite of that time as unerring and the only true one: the political ruling layer of that time was not solidly United in assessing the decisions taken, various alternative options were formulated.

Keywords: great turning point, new economic policy, Communist opposition in the USSR, kulaks, market relations, proletariat, economic planning.

References

- Bazarov, Vladimir A. 2014. The rate of accumulation and the commanding heights. *Selected works. Vol. 1, pp. 342–355.* Moscow, Delo Publ. (In Russian)
- Bukharin, Nikolay I. 1989a. Economy of the transition period. *Problems of theory and practice of socialism.* Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury. (In Russian)
- Bukharin, Nikolay I. 1989b. Program question at the VI Congress of the Communist international. Report 9 August 1928. *Problems of theory and practice of socialism.* Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury. (In Russian)
- Bukharin, Nikolay I. 1989c. Speech at the joint Plenum of the Central Committee and the Central Committee of the CPSU (b) April 18, 1929. *Problems of theory and practice of socialism.* Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury. (In Russian)
- History of the all-Union Communist party (Bolsheviks). Short course* / ed. Commission of the Central Committee of the CPSU (b) Moscow, 1946. (In Russian)
- History of the Communist party of the Soviet Union.* Moscow, 1959. (In Russian)
- Kerner, Leonid. 1990. On socialism in one country. *Trotsky Archive. Communist opposition in the USSR. 1923–1927.* Edited by Fel'shtinsky, Yury. Vol. 2. Moscow, Terra Publ. (In Russian)
- Kondratev, Nikolay D. 1989. Critical notes on the national economy development plan, pp. 95–135. *What to do next: discussions of the 20s: Articles and modern commentary.* Compiled By Eduard B. Koritsky. Leningrad, Lenizdat, pp. 95–135. (In Russian)
- Koritsky, Eduard B. (compiler). 1989. *What to do next: discussions of the 20s: Articles and modern commentary.* Leningrad, Lenizdat Publ. (In Russian)
- Lashevich, Mihail and others. Statement to the July Plenum of the Central Committee and the Central Committee of the CPSU (b). Members of the Central Committee and the Central Committee. *The Archives Of Trotsky. Communist opposition in the USSR. 1923–1927* / editor-compiler Yu. Fel'shtinsky. Vol. 2, pp. 11–24. Moscow, Terra Publ. (in Russian)

- Lenin, Vladimir I. Regular tasks of the Soviet power. *Complete works*. Vol. 36, pp. 165–208. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury. (In Russian)
- Marx, Karl. Synopsis of Bakunin's book "Statehood and anarchy". *Karl Marx, Friedrich Engels. Compositions. Second edition*. Vol. 18, pp. 579–624. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury. (In Russian)
- Preobrazhensky, Evgeny. 1924. The Basic law of socialist accumulation. *Vestnik Communisticheskoy Akademii*, no. 8, pp. 47–116. (In Russian)
- Radek, Karl. About the opposition. *Trotsky Archive. Communist opposition in the USSR. 1923–1927* / editor-compiler Yu. Felshtinsky. Vol. 2, pp. 40–55. Moscow, Terra Publ. (In Russian)
- Rykov, Aleksandr I. 1990. On the rise (Report at the second session of the CEC of the USSR). *Selected works*, pp. 453–472. Moscow, Ekonomika Publ. (In Russian)
- Stalin, Iosif V. 1948a. On the economic situation of the Soviet Union and party policy. Report to the active of the Leningrad organization on the work of the Plenum of the Central Committee of the CPSU (b) on April 13, 1926. *Compositions*. Vol. 8, pp. 116–148. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury. (In Russian)
- Stalin, Iosif V. 1948b. Once more about the social-democratic bias in our party. Report to the VII extended Plenum of the ICCI on December 7, 1926. *Compositions*. Vol. 9, pp. 3–61. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury. (In Russian)
- Stalin, Iosif V. 1953a. On grain procurements and the prospects for the development of agriculture. From performances in various areas of Siberia in January 1928 (short entry). *Compositions*. Vol. 11, pp. 1–9. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury. (In Russian)
- Stalin, Iosif V. 1953b. The first results of the procurement campaign and the further tasks of the party. To all organizations of the CPSU(b). In the writings. Vol. 11, pp. 10–19. (In Russian)
- Stalin, Iosif V. On the work of the April joint Plenum of the Central Committee and the Central Committee. Report at the meeting of the asset of the Moscow organization of the CPSU (b) April 13, 1928. *Compositions*. Vol. 11, pp. 10–19. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury. (In Russian)
- Stalin, Iosif V. 1953c. On the work of the April joint Plenum of the Central Committee and the Central Committee. Report at the meeting of the asset of the Moscow organization of the CPSU (b) on April 13, 1928. *Compositions*. Vol. 11, pp. 27–64. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury. (In Russian)
- Stalin, Iosif V. 1953d. Speech at the VIII Congress of the Komsomol on may 16, 1928 *Compositions*. Vol. 11, pp. 66–77. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury. (In Russian)
- Stalin, Iosif V. 1953e. About the program of the Comintern. Speech on July 5, 1928 at the July (1928) Plenum of the Central Committee of the CPSU (b) *Compositions*. Vol. 11, pp. 141–156. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury. (In Russian)
- Stalin, Iosif V. 1953f. On industrialization and the grain problem. Speech at the July (1928) Plenum of the Central Committee of the CPSU (b) July 9, 1928. *Compositions*. Vol. 11, pp. 157–187. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury. (In Russian)
- Stalin, Iosif V. 1949a. On the right slope in the CPSU(b). Speech at the Plenum of the Central Committee and the Central Committee of the CPSU (b) in April 1929. *Compositions*. Vol. 12, pp. 1–107. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury. (In Russian)
- Stalin, Iosif V. 1949b. On issues of agrarian policy in the USSR. Speech at the conference of agrarian Marxists on December 27, 1929. *Compositions*. Vol. 12, pp. 141–172. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury. (In Russian)
- Stalin, Iosif V. 1949c. Political report of the Central Committee to the XVI Congress of the CPSU (b) on June 27, 1930. *Compositions*. Vol. 12, pp. 235–373. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury. (In Russian)
- Stalin, Iosif V. 1951a. Final speech on the political report of the Central Committee to the XVI Congress of the CPSU (b) on July 2, 1930. *Compositions*. Vol. 13, pp. 1–16. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury. (In Russian)
- Stalin, Iosif V. 1951b. Results of the first five-year plan. Report on January 7, 1933 at the Joint Plenum of the Central Committee and the Central Committee of the CPSU (b) on January 7–12, 1933. *Compositions*. Vol. 13, pp. 161–215. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury. (In Russian)

- Stalin, Iosif V. 1951c. Report to the XVII party Congress on the work of the WR of the CPSU (b) on January 26, 1934. *Compositions*. Vol. 13, pp. 282–379. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury. (In Russian)
- Strumilin, Stanislav G. 1927. Industrialization of the USSR and epigones of narodnichestvo. *Planovoe khoziaistvo* 8: 7–34. (In Russian)
- Trotsky, Lev D. 1990a. All members and candidates of the Central Committee. In *The Archives of Trotsky. Communist opposition in the USSR. 1923–1927* / editor-compiler Yu. Felshtinsky. Vol. 1, pp. 12–18. Moscow, Terra Publ. (In Russian)
- Trotsky, Lev D. 1990b. Notes on economic issues. In *The Archives of Trotsky. Communist opposition in the USSR. 1923–1927* / editor-compiler Yu. Felshtinsky. Vol. 1, pp. 35–48. Moscow, Terra Publ. (In Russian)
- Trotsky, Lev D. 1990c. Theory of socialism in a separate country. The failure of this theory. The skepticism of the revolutionary and national limitations as its background. In *The Archives of Trotsky. Communist opposition in the USSR. 1923–1927* / editor-compiler Yu. Felshtinsky. Vol. 1, pp. 141–147. Moscow, Terra Publ. (In Russian)
- Trotsky, Lev D. 1990d. Notes on economic issues. January 15, 1926 In *The Archives of Trotsky. Communist opposition in the USSR. 1923–1927* / editor-compiler Yu. Felshtinsky. Vol. 1, pp. 170–172. Moscow, Terra Publ. (In Russian)
- Trotsky, Lev D. 1990e. Questions and answers written by me for propaganda. September 1926. In *The Archives of Trotsky. Communist opposition in the USSR. 1923–1927* / editor-compiler Yu. Felshtinsky. Vol. 2, pp. 64–77. Moscow, Terra Publ. (In Russian)
- Trotsky, Lev D. 1990f. Questions and answers written by me for propaganda. September 1926. By the fifteenth party conference. In *The Archives of Trotsky. Communist opposition in the USSR. 1923–1927* / editor-compiler Yu. Felshtinsky. Vol. 2, pp. 83–103. Moscow, Terra Publ. (In Russian)
- Trotsky, Lev D. 1990g. Evaluation of our revolution and the question of the peasantry. In *The Archives of Trotsky. Communist opposition in the USSR. 1923–1927* / editor-compiler Yu. Felshtinsky. Vol. 2, pp. 114–117. Moscow, Terra Publ. (In Russian)
- Felshtinsky, Yury. (editor-compiler). 1990. Archives of Trotsky. Communist opposition in the USSR. 1923–1927. Vol. 1, 2. Moscow, Terra Publ. (In Russian)
- Khokhlov, Evgeny B. 2010. Theory and practice of labor management organization in the first years of Soviet power. *Rossiiskii ezhegodnik trudovogo prava* 6: 7–30. (In Russian)
- Khokhlov, Evgeny B. 2013. *History of labor and labor law*. T.1 Labor history in the context of economic, political, and mental systems. Edited by Kozlikhin, Yury. St. Petersburg, St. Petersburg University Press. (In Russian)

Author's information:

Evgeniy B. Khokhlov — Dr. Sci. in Law, Professor; e.hohlov@spbu.ru